

**Военные
Приключения**

АВАРИЯ ДЖОРДЖА ГАРРИСА

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

Военные приключения

Александр Насибов

**Авария Джорджа
Гарриса (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2011

Насибов А.

Авария Джорджа Гарриса (сборник) / А. Насибов — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Военные приключения)

1945 год. Вот-вот закончится самая жестокая и страшная война в истории. Советские и американские войска подавляют последние очаги сопротивления гитлеровцев. Для согласования действий в штаб советской группировки вылетает уполномоченный американского генштаба полковник Гаррис. Однако германским ПВО удастся сбить его самолет, и теперь судьба полковника зависит от того, кто успеет раньше – немцы или русские?..

Содержание

Александр Насибов	5
1	5
2	7
3	10
4	11
5	15
6	16
7	19
8	24
9	28
10	33
11	35
12	40
13	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Насибов, Алексей Азаров

Авария Джорджа Гарриса (сборник)

Александр Насибов
Авария Джорджа Гарриса

1

Морозным февральским утром 1945 года с одного из аэродромов севера Франции, уже освобожденного от оккупантов, стартовал бомбардировщик американской армии. Машина тяжело оторвалась от земли, набрала высоту и взяла курс на восток.

Бомбовые люки самолета были пусты. Самолет выполнял не совсем обычное задание. На борту его находились пассажиры – полковник Джордж Гаррис со своей секретаршей и радисткой Патти Джонсон.

Полковник дремал, откинувшись в кресле, которое для него наскоро укрепили в тесной и не оборудованной для пассажиров кабине. Он был плотен, рыжеволос. Красное лицо наискось – от левого виска к углу рта – пересекал шрам, который багровел, когда полковник волновался.

Сейчас шрам был словно налит кровью – Джорджу Гаррису очень не по душе была эта командировка. До сих пор счастье не изменяло ему, жизнь казалась легкой и приятной. Долгое время он занимал важный пост в материально-техническом управлении военно-воздушных сил США. Это был чудесный период, когда деньги сами плыли в руки. Компании не скупилась на доллары, лишь бы получить побольше заказов на поставку всего того, в чем нуждалась военная авиация, и надо было только не зевать и не терять головы.

Гаррис так именно и поступал. Обширные связи в деловом мире, десятка два ловко обделанных дел позволили ему сравнительно быстро сколотить кругленькую сумму, которая обеспечивала приятное существование на долгие годы. Он сменил свой автомобиль на машину последней модели одной из лучших фирм; перебрался на жительство в квартал фешенебельных ресторанов и особняков; подумывал уже об обзаведении семьей – дело было только за выгодной партией. И тут – американцы и англичане высадились во Франции.

«Влип», – решил Гаррис, когда получил назначение в Европу. Однако там оказалось не так уж плохо. На Западе нацисты сопротивлялись только для видимости, и джипы со звездными флажками на ветровых стеклах быстро катили по гладким дорогам к сердцу страны.

Полковник Гаррис молниеносно разобрался в обстановке, которая сложилась в голодающей Нормандии. Несколько удачных спекуляций лежалыми консервами и такой же мукой сделали его текущий счет в банке еще более солидным. Теперь можно было подумать о вилле в Калифорнии и о моторной яхте!..

Джордж Гаррис был настроен тем более оптимистично, что все говорило о быстром окончании войны. Русские армии здорово били фашистов, совершали чудовищные скачки вперед, размалывая в муку, казалось, самые неприступные узлы сопротивления нацистов. Не надо было быть гением, чтобы понять, что такого натиска не могла выдержать ни одна из армий мира. Словом, все шло хорошо – и вдруг эта нелепая командировка! Начальству, видите ли, потребовалось согласовать несколько важных вопросов с русскими. И оно решило послать своего представителя не кружным, но безопасным путем, а прямо через территорию врага: так, мол, быстрее. Конечно, летели не генералы, и им было плевать на зенитки немцев!..

Гаррис вздохнул и тяжело заворочался в кресле. Он привычно полез в карман за трубкой, но вспомнил, что находится не на земле, и мысленно выругался.

В глубокой задумчивости была и Патти Джонсон. В памяти девушки всплывали картины довоенных лет, такие дорогие и хорошие картины... Вот она сидит за завтраком в кафетерии, а он только что вошел в зал и растерянно оглядывает занятые столики. Только возле Патти есть свободное место. Они встретились взглядами, и девушка невольно улыбнулась: ей сразу понравилось его хорошее открытое лицо с чуть насмешливыми глазами... Он подсел и представился: Дэвид Кент, конторщик. А вечером они встретились и долго бродили по городу. Дэвид проводил ее до дому, внимательно посмотрел в глаза и поцеловал... Знакомство Патти и Дэвида превратилось в дружбу, дружба – в любовь, хотя он никогда не произносил этого слова. Их встречи продолжались месяца три. А потом японцы напали на Пирл-Харбор и началась война. Кента призвали. Он писал, что стал летчиком. Вскоре в армию ушла и Патти. Они потеряли друг друга на долгие годы и вот сегодня встретились: Дэвид Кент оказался командиром самолета, на котором Гаррису и ей предстояло лететь к русским.

Патти закрыла глаза и счастливо улыбнулась. И в этот момент за окном вспух багрово-дымчатый пузырь и машину резко тряхнуло.

Пассажиры вскочили на ноги. Гаррис приник к окошечку, пытаясь разглядеть землю. Он видел, как оттуда протягивались к самолету дымчатые трассы. С каждой секундой их становилось все больше. Сбоку всплыла цепочка шрапнельных разрывов. Пилот прибавил газу и бросил машину в сторону, выводя ее из зоны обстрела. Но было поздно: один из снарядов разорвался под фюзеляжем, другой прошил крыло. Гаррис почувствовал резкую боль в левой руке. Самолет клюнул носом и накренился.

Из кабины пилотов радист Барт выволок безжизненное тело второго пилота лейтенанта Билдинга. Патти вскрикнула и метнулась к кабине.

– Кент, Кент! – воскликнула она. – Дэвид, вы живы?

Капитан Кент не повернул головы. Он прилагал отчаянные усилия, чтобы выровнять машину и не дать ей свалиться в штопор. Патти были видны его побагровевшая от напряжения шея и ссутулившиеся плечи.

Действуя штурвалом и педалями, пилот поставил, наконец, машину горизонтально, но тут отказал правый мотор. Бомбардировщик стал снижаться.

Кент повернул голову.

– Придется садиться! – прокричал он. – Предупредите там, чтобы приготовились!

2

Широкая безлюдная равнина где-то на востоке Германии. С запада ее окаймляют развалины разбитого американскими бомбами городка, с востока – цепь невысоких холмов. Равнина была когда-то обширным картофельным полем. Теперь она поросла сорняком, до черноты высушенным морозом и ветром. Одинокая скала среди холмов только подчеркивала безжизненность пейзажа.

Капитан Кент старался посадить самолет на равнину. Бомбардировщик неуклюже ковылял в воздухе, с каждой секундой теряя высоту. Наконец машина брюхом коснулась земли, прочертила по полю широкую полосу и, достигнув одинокой скалы, остановилась; на мгновение она сохранила равновесие, а потом качнулась и подняла к небу израненное крыло.

С трудом отворилась дверца кабины. На землю прыгнул капитан Кент, за ним капрал Барт. Оба они едва держались на ногах. Кент был ранен в бок, а капрал очумело мотал головой, на которой вспухла огромная шишка. Офицер и капрал вытащили из кабины лейтенанта Билдинга, стараясь не касаться его замотанной в одеяло ноги.

Последними покинули самолет Патти Джонсон и полковник Гаррис, поддерживавший наскоро перебинтованную руку.

– Барт, ваш парашют, живо! – скомандовал Кент.

Капрал вскарабкался в самолет, вытащил оттуда парашют, развернул его и разостлал у скалы. Он с Кентом отнесли к скале Билдинга.

– А теперь, – сказал командир экипажа, – взберитесь на скалу и как следует оглядитесь вокруг.

Барт отправился. К Кенту подошел Гаррис. Он был растерян, подавлен случившимся, испуганно озираясь. Пистолет свой полковник передвинул поближе к животу, расстегнув кобуру.

– Это очень опасно? – хриплым от волнения голосом спросил Гаррис. – Как далеко немцы?

Кент пожал плечами:

– Странный вопрос... Кто может поручиться, что нас не схватят в ближайшие пять минут?

Обернувшись к Патти, пилот попросил ее развернуть свою радиостанцию, так как рация самолета оказалась разбитой осколком зенитного снаряда.

Радистка установила передатчик на камень возле скалы и стала готовить его к работе. Девушка волновалась, и руки плохо повиновались ей. Неловкое движение, и рация едва не упала. Гаррис охнул и грубо выругался. Патти вздрогнула и вновь чуть не свалила передатчик.

– Спятели вы, что ли? – прорычал полковник.

– Легче, сэр, – угрюмо проговорил Кент. – Поберегите нервы. Еще не наступило самое худшее.

Гаррис осекся и испуганно оглянулся. Патти взглядом поблагодарила летчика. Билдинг застонал.

– Что со мной, Дэвид? – спросил он слабым голосом.

У второго пилота была перебита нога, и Кент, стараясь смягчить выражения, объяснил ему это. Билдинг вновь потерял сознание.

Патти доложила, что станция к работе готова. Командир самолета стал вращать рукоять движка, радистка застучала ключом.

Гаррис подсел к Билдингу и, видя, что тот открыл глаза, сказал:

– Держитесь, старина. И мне порядком досталось от того проклятого снаряда. Держитесь. Сейчас Кент вызовет какую-нибудь машину, и все будет в порядке!

– Машину! – передразнила Патти. – Такси!

В этот момент в наушниках радистки раздалось попискивание морзянки. Кто-то отвечал на сигнал бедствия экипажа бомбардировщика. Закусив от волнения губу, Патти передала продиктованный Кентом текст аварийного сообщения и ориентир для посадки: три костра в ряд; садиться с севера, оставляя костры слева; осторожно – поле неровно!

Радистка переключилась на прием, с минуту слушала и устало сняла наушники.

– Все, – сказала она. – Это какая-то американская станция у русских. Приказано ждать самолет.

Девушка уронила голову на руки и заплакала. Кент сидел обессиленный, в каком-то оцепенении.

– Дело сделано, – бодро проговорил Гаррис, вывинчивая пробку фляги. – Не мешает выпить, Кент.

Он налил себе, выпил, потом наполнил стаканчик для пилота. Вытащив трубку и табак, Гаррис закурил.

– А ведь это отлично, что летят американцы, – сказал он, выпустив клуб дыма.

Кент пожал плечами:

– Не вижу разницы: кто! У меня одно желание – скорее унести отсюда ноги.

Гаррис покачал головой и поднял палец.

– Видите ли, я, конечно, верю русским. В сущности – они неплохие люди. Но спасать американцев должны только американцы. Русским же следует укрепиться в уверенности, что они обязаны нам многим, если не всем, а мы – только Господу Богу!

– Вы прекрасно знаете, что это не так.

– Не перебивайте... Этого многие не понимают. А это очень важно для того времени, когда не будет войны. Ведь теперь, Кент, недалеко и до развязки.

– Интересно, как думали вы, когда до развязки было далеко да и неизвестно было, какая наступит развязка?

Гаррис строго посмотрел на пилота.

– После того как в игру вступили русские, вопрос о том, какая будет развязка, для меня лично отпал. Остался лишь вопрос сроков.

– Тем более! – воскликнул Кент. – Хотя, впрочем, я не политик. За меня думают президент и мои командиры. И отлично, что это так. Ибо, когда обо всем начинаешь размышлять сам, то трещит голова.

– Сейчас надо быть политиком, парень. А вы молоды и не понимаете...

– Все только и делают теперь, что говорят о политике. И о русских.

И Кент рассказал полковнику о своей единственной встрече с русским. Это было в Штатах, на одном из северных аэродромов, где приземлилась советская военная машина, доставившая какое-то официальное лицо. Американские летчики тепло встретили своих русских коллег, потащили в ресторан. Советские летчики оказались отличными парнями – веселыми и общительными. Они до слез хохотали, глядя на выступавших на эстраде чечеточников-негров, потом пригласили их к столу. В ресторане поднялся переполох, но русским, видимо, было плевать на это. Они на славу угостили артистов, пожали им руки, подарили, как и белым, сувениры – звездочки или монеты, он не помнит точно что.

– Неграм! – воскликнул Кент в заключение своего рассказа. – И мне лично это очень понравилось!.. Вот и все, что я знаю о русских. Правда, мне известно еще, что они взяли на себя главную тяжесть в этой трудной войне. Не так ли?

Гаррис кивнул.

– А если это так, – продолжал Кент, – то с ними надо вести только честную игру.

– И раскрывать свои карты? – иронически улыбнулся Гаррис. – Ни один деловой человек не поступает подобным образом.

– В сделке – да. Но это – война!

– Сделка, война, – пожал плечами полковник. – Нет разницы. Война – я имею в виду военный союз – та же сделка.

– Значит, кончится война, кончится сделка?

– М-м, – замялся Гаррис. – Видите ли, хозяином послевоенного мира должна стать Америка. Боюсь, что русским не очень по душе такая перспектива...

Разговор прервал спустившийся со скалы Барт. Он доложил, что в пяти милях – дорога. По ней проходят немецкие грузовики. В районе посадки самолета ничего подозрительного не замечено.

Кент приказал капралу набрать сухой травы и веток для сигнальных костров, приготовить бензин и спички. Патти, уже успокоившуюся, он направил дежурить на скалу.

– Смотрите в оба, Барт, – торжественно сказал Гаррис. – Не опоздайте с сигналом. За нами летят янки!

– Наши? – радостно воскликнул капрал. – О, все будет в порядке, сэр!

3

Стало темнеть. Кент подсел к Билдингу. Гаррис задумчиво прохаживался неподалеку. Вдруг он остановился и прислушался.

– Кент, – сказал полковник. – Кент, вы слышите что-нибудь?

Пилот встал.

– Как будто шум моторов... Какой-нибудь самолет.

– Держу пари, что это он!

– Что вы, полковник! Слишком рано.

Гаррис схватил Кента за руку.

– Смотрите, – заорал он. – Смотрите же! Вот он! И – совсем низко!

Теперь и командир корабля увидел идущий с востока самолет.

– Снижается, – продолжал кричать Гаррис, от волнения пританцовывая на месте. – Он садится, Кент! Бегите же!

Сомнений не было. Машина разворачивалась для посадки. Кент, все еще удивляясь тому, что она пришла так быстро, помчался по полю.

– Что случилось? – спросил Билдинг, открыв глаза.

– Пришел самолет, парень! Подумать только: не истекло и полчаса, а они уже прилетели.

Черт, отыскать нас здесь без сигнала!.. Нет, это могли сделать только янки!

Тем временем самолет планировал на посадку. Гаррис видел, как он коснулся колесами земли, помчался, подпрыгивая, по полю и вдруг резко остановился. К машине спешили Кент и Барт. А из кабины навстречу им выпрыгнуло несколько фигурок.

– Я командир советского бомбардировщика, прибыл за вами.

– Смотрите, Билдинг, – кричал Гаррис, размахивая здоровой рукой. – О черт, целуются! Нет, все это больше походит на хороший голливудский боевик! Клянусь, я расчувствовался, как мальчишка, и, кажется, сам обниму кого-нибудь из них!

Полковник был растроган. Он отвернулся и украдкой смахнул слезу. Потом он гордо выпрямился и обернулся, отыскивая радистку.

– Патти, – позвал он, – Патти, где это вы?

– Я здесь, сэр!

Патти слезла со скалы радостная, счастливая. Гаррис снисходительно улыбнулся ей.

– Ну, теперь все ваши страхи позади. Заберите мой реглан. Мы улетаем.

4

Через минуту в сопровождении Кента и Барта к Гаррису подошел высокий молодой человек в меховом комбинезоне и таком же шлеме. Он козырнул и представился:

– Капитан Пономаренко.

– Как? – переспросил Гаррис, делая шаг назад.

Летчик улыбнулся.

– Капитан Пономаренко. Так меня зовут. Я командир советского бомбардировщика, был за вами.

Теперь Гаррис понял все. Он как-то вдруг обмяк, засуетился.

– Вот ранили меня и Билдинга, – сказал он жалобно. – И Кенту досталось...

– Не волнуйтесь, – успокоил его советский пилот. – Все будет хорошо. В нашем госпитале вас быстро вылечат.

– Да, да, – горячо подхватил полковник. – Вы славный парень, капитан!

Советский летчик увидел Патти и ласково кивнул ей.

– Девушка?... О, теперь мы рады вдвойне!

– Но ведь радио приняли американцы? – воскликнула Патти здороваясь.

– Да, – подтвердил Пономаренко, – ваш сигнал был получен американской рацией, по которой согласовываются действия на этом участке вашей и нашей авиации. Мы как раз выполняли задание близ этого квадрата. Американцы связались с моим командованием. Я получил приказ взять вас. И вот мы здесь и очень рады оказать вам услугу. Это даже не услуга, а наш долг. Ведь мы союзники.

Пономаренко понравился Гаррису. Полковник похлопал русского пилота по плечу. Тот несколько смутился, полез в карман за папиросами. Кент раскрыл портсигар и предложил сигареты. Гаррис протянул летчику трубку и кiset, посоветовав отведать настоящего кепстена.

– Спасибо, – сказал Пономаренко, вытаскивая коробку. – Со мной московские папиросы. Попробуйте их.

Гаррис и Кент взяли по папиросе. Полковник долго вертел папиросу в руках, рассматривая странный картонный мундштук, прежде чем решился закурить. Папироса ему понравилась.

– Гм, – проговорил он, – московские... – И неожиданно спросил: – А капитан э-э... большевик?

– Да, – ответил пилот. – Я член Коммунистической партии.

Наступила пауза. Потом Гаррис заторопился: надо лететь, они и так потеряли много времени зря; право, следует поторопиться!

Пономаренко объяснил, что при посадке повреждено шасси – в сумерках он не заметил камня. Гаррис вздрогнул, и шрам на его лице проступил темной, почти черной полосой.

Заметив, что американец волнуется, Пономаренко поспешил успокоить его: авария небольшая, ее уже исправляют. Полчаса, и все будет в порядке.

Настроение Гарриса упало. Он насупился, что-то проворчал, поплелся к скале и уселся на разостланное у ее подножья пальто. Русский и американский пилоты устроились неподалеку и вновь закурили.

– Давно летаете, капитан? – спросил Кент.

Советский летчик объяснил, что с самолетом познакомился только в войну, а до этого в армии не служил. Кент осведомился о том, как выполнено сегодняшнее задание. Пономаренко оживился.

– Этот завод мы искали две недели! Там делали жирокопсы к самолетам-снарядам и торпедам. И сегодня завод перестал существовать.

– Надо полагать, что славно поработали ракетчики? – вставил тоном знатока Гаррис.

– Нет, – сказал русский пилот. – Мы просто рискнули спуститься пониже. И у немцев сдали нервы. Внезапно по нас был открыт сильный огонь. Он-то и позволил установить местонахождение отлично замаскированного объекта. Рискнули и выиграли!

– Выиграли, – буркнул Гаррис. Его раненая рука горела, и это ухудшало и без того скверное настроение полковника.

Кент с любопытством глядел на своего русского коллегу. Вот только... И неожиданно для самого себя он вдруг спросил:

– Правда ли, что в Советском Союзе всякий, кто женится, должен получить разрешение властей?

Пономаренко расхохотался.

– Вы напрасно смеетесь, – с укоризной проговорил Гаррис. – На вашем месте я бы...

– Смеюсь потому, что этот вопрос мне уже задавали, и не один раз!

– Вот видите!

Пилот оборвал смех.

– Мне и смешно и печально. Такие же нелепые вопросы нам часто задают ваши соотечественники, приезжающие в Советский Союз. Но – только в первые дни. А потом они стыдливо просят извинений. Но это не меняет дела. Нелепые слухи распространяют про нас американские газеты. Чего они добиваются?

– Чего добиваются? – спросил Гаррис. Он приподнялся на локте и в упор смотрел на советского летчика. – О, они добиваются многого. Они хотят, чтобы в вашей стране пышным цветом расцвели демократия и прогресс. Перед вами широко раскрывается сокровищница американской культуры.

Пономаренко нахмурился.

– Мы не все можем перенять у американцев, – сказал он.

– Что же именно? – удивился полковник.

– Многое. Например, электрический стул, суды Линча, гетто и резервации! – Он помолчал и твердо заключил: – Да, и еще многое другое... Простите, пойду взглянуть, как идет ремонт шасси.

Пономаренко ушел, и Патти с негодованием обернулась к Гаррису.

– Вы напрасно затеяли этот разговор, – решительно сказала она. – Вы обидели этого славного парня!

– Не вашего ума дело, Джонсон, – огрызнулся Гаррис.

– Я думаю, что Джонсон права, сэр, – сказал Кент. – А газеты могли и соврать. Они так часто печатают ложь.

– Иной раз нужна и она, Кент!

– Оставьте! Ложь всегда ложь и всегда отвратительна.

Кент чувствовал себя очень плохо. С каждой минутой все больше давала знать о себе рана – он потерял много крови. Внезапно летчик качнулся и упал бы, не поддержи его Патти. Девушка усадила Кента на камень, расстегнула воротник, потеряла виски. Вскоре он пришел в себя.

– Не волнуйтесь, – сказал Кент, слабо улынувшись. – Ничего страшного... уже прошло.

– Я так перепугалась!..

– Перепугались... Вы любите меня, Патти?

– Не надо сейчас об этом...

– Нет, – сказал Кент, – вы должны ответить. Скоро мы расстанемся. Кто знает, выпадет ли мне снова счастье везти Джорджа Гарриса и его секретаршу Патти Джонсон!.. Вы должны дать мне слово, Патти!

– Боже мой, сейчас, Дэвид?

– Да. Вы думаете я не начал бы этого разговора раньше? Но легко сказать – раньше. Конторщик с перспективой стать старшим конторщиком – и все. А теперь я офицер, пилот. Еще год-другой, и у нас будет достаточно денег, чтобы устроить себе гнездо – пусть на первое время. Кроме того, после войны все будет иначе. Так говорил президент. Так пишут газеты... Ну, Патти? Вы молчите. Быть может, у вас есть другой?

Девушка покачала головой.

– Я люблю только вас, Дэвид...

Вернулся Пономаренко. Он сообщил, что дело идет к концу. Машина скоро сможет подняться в воздух.

– Идите сюда, капитан, – позвал его Гаррис. – Так, садитесь.

Полковнику хотелось сказать что-нибудь приятное за ту хорошую вест, которую принес ему этот симпатичный русский пилот, пусть немного резкий и самонадеянный. И он заявил, что Пономаренко скромничает, не считая свой прилет за американцами услугой. Это не так. Это услуга. Больше того, это подвиг! Так же хорошо ведут себя на фронте многие советские воины, и американцы поэтому весьма ценят своих союзников.

– Да, да, – сказал Гаррис в заключение. – И в подтверждение этого я хочу вам рассказать об одном письме. Только вчера я получил его из Штатов. Пишет мой старинный друг Арчибалд Дермонт. Лет сорок назад он начал со стрижки овец в Иллинойсе. Теперь Арчи – владелец крупной фирмы. Он член конгресса и весьма уважаемый человек... Словом, то, что у вас называется «капиталистическая акула» или что-то в этом роде...

Пономаренко улыбнулся.

– Что же пишет ваш друг? – с любопытством спросил он.

– О, Дермонт в курсе всех дел Белого дома. И он утверждает, что теперь со всей уверенностью можно говорить о решительном повороте во взаимоотношениях американцев и русских.

– Время покажет, – неопределенно заметил пилот.

– Нет, нет, он прав!.. И Советы должны по достоинству оценить ту гигантскую и бескорыстную помощь, которую им щедрой рукой шлет преданный заокеанский друг... Вы понимаете меня?

– Как вам сказать, – Пономаренко помедлил, потом решительно вскинул голову. – Вот прибыл один пилот из Мурманска. Он рассказывает: американский транспорт доставил туда зерно. Выгрузили его и... сожгли. Зерно было заражено страшным вредителем.

Гаррис развел руками.

– Недосмотр, надо полагать...

– Будем надеяться, что так...

– И – к делу! Так вот, Дермонт утверждает, что у нас очень положительно оценивают перспективы нашего послевоенного сотрудничества. Ваша страна – это такое широкое поле деятельности для предприимчивых людей с деньгами!

– «Поле деятельности», – усмехнулся Пономаренко. – Хотелось бы, чтобы у вас по достоинству оценили все то, что делает и будет делать наш народ для всего человечества. Вот что могло бы лечь в основу нашей прочной дружбы. А сейчас...

Гаррис вскочил с места. Он хотел что-то возразить, но Пономаренко жестом остановил его.

– А сейчас – вот вам пример. Вообразите: стоит дом, в нем два этажа, и каждый из них занимает семья. Шайка бандитов ломится в дверь. Может вас удивить, что квартиранты верхнего этажа спешат на помощь живущим внизу? Ведь надо быть идиотом, чтобы не сделать этого. Победив внизу, бандиты устремятся вверх. И разве не смешно такую помощь выставить как некое геройство? Это даже не помощь. Это – самооборона!

– Из этого я заключаю, что вы плохо знаете американцев, – торжественно сказал Гаррис.

Патти горячо воскликнула:

– Да, да, – не все такие, как... Дермонты!

Пономаренко пожал плечами.

– Мы и не думаем так. Но ваши Дермонты еще сильны.

– Оставьте Дермонтов в покое и бросьте ваши пропагандистские разговоры, – грубо прервал его Гаррис. – Право, вы рассуждаете, как марксистский теоретик.

– Я кандидат наук. Война – стал летчиком...

– Я так и знал, что имею дело с большевистским агитатором!

– Полковник! – с упреком заметил Кент.

Гаррис досадливо отмахнулся.

– Оставьте меня! Я знаю, что говорю. Этот пилот не очень хорошо воспитан. И, будь это в другой обстановке, я бы...

– А вы не стесняйтесь и здесь, – ответил Пономаренко.

Русский капитан и американский полковник несколько секунд смотрели друг другу в глаза.

Тяжелую паузу прервал второй пилот советского бомбардировщика. Подойдя, он остановился в стороне и кивком подозвал своего командира. После короткого разговора летчики поспешно отправились к самолету.

Гнев Гарриса как рукой сняло. Он приподнялся на локте и с тревогой смотрел им вслед. Гаррис видел, как летчики подошли к машине, склонились над шасси. Потом один из них вскарабкался в самолет.

– Кент, – взволнованно сказал полковник, – там что-то стряслось. Сдается мне, что это с проклятым шасси...

Был встревожен и Кент.

– Если понадобится, они скажут сами, – мрачно заметил он.

– Нет, нет, – закричал Гаррис. – Смотрите, теперь и второй полез в самолет! – Он чуть не задохнулся от пришедшей ему в голову мысли. – Они хотят улететь без нас, Кент!!!

Гаррисом овладел панический страх. Он вскочил на ноги и схватил реглан.

– Я пойду туда сам!.. Я выложу им всю правду! Как подло то, что они собираются совершить! Я не пожалею долларов!.. Идемте, Кент!

Гаррис осекся. Летчики показались из машины, спрыгнули на землю, и один из них зашагал к скале. Это был командир корабля. Подойдя, он сказал:

– Поломка шасси оказалась серьезнее, чем можно было предположить раньше. Шасси исправили, как могли. Но это недостаточно надежно. Оно не выдержит всех... Мы уже радировали. Сюда идет вторая машина. Несколько человек останутся и улетят на ней...

У Гарриса задрожал подбородок. Сбылись его предчувствия! Он знал, что все это не кончится добром. Гаррис резко обернулся к Кенту.

– Вы слышали? – с горечью спросил он. – Ну, что теперь скажете?

Прежде чем Кент смог что-нибудь ответить, Пономаренко объявил:

– Остается часть моего экипажа. Мы здоровы – вы ранены...

Гаррис отшатнулся от пилота. Сознание, разум полковника отказывались воспринять то, что услышали его уши.

– Идите в самолет, – распорядился Пономаренко.

Обернувшись к сопровождавшим его двум сержантам, он приказал им взять раненого.

5

В эту минуту дежуривший на скале капрал Барт заметил серо-зеленые фигурки людей, перебегавшие по полю. Это был немецкий отряд, спешивший к месту посадки самолета. Между ним и машиной находилась скала, и солдаты уже приближались к ней.

– Немцы! – крикнул Барт, скатываясь со скалы.

Тотчас же раздалось несколько автоматных очередей. Члены экипажа Пономаренко – сержанты Мельников и Волк – кинулись к скале и открыли ответный огонь. Командир советского самолета и Кент выхватили пистолеты. Барт присоединился к русским сержантам. Только Гаррис и Патти стояли на месте, будто окаменев.

– Скорее в машину! – крикнул им Пономаренко.

Прибежал четвертый член экипажа советского бомбардировщика, стрелок-радист Джавадов. Он доложил командиру, что дорога к самолету еще свободна. Если задержать немцев, можно взлететь!

Капитан Пономаренко приказал Джавадову отнести в машину раненого лейтенанта Билдинга. Здоровяк Джавадов легко поднял американца и побежал к самолету. Гаррис, словно придя в себя, вдруг засуетился, оглянулся по сторонам, схватил за руку Патти и засеменил за Джавадовым.

С каждой секундой перестрелка разгоралась, напряжение боя нарастало. Вот несколько фашистов, скрытно пробравшись по неглубокой канаве в сторону, кинулись к обороняющимся с фланга. На их пути оказался сержант Мельников. Двух врагов он скосил очередью из автомата, с третьим схватился врукопашную. Они катались по земле, сцепившись в тесный клубок. Гитлеровец оказался серьезным противником. Его словно сделанные из железа пальцы сдавливали шею сержанта Мельникова. Тот хрипел в отчаянных попытках освободиться. Рука Мельникова нащупала камень, и в следующее мгновение советский сержант обрушил на голову врага страшный удар. Пальцы фашиста разжались. Мельников вскочил на ноги, оглянулся. В стороне капитан Пономаренко отбивался от двух наседавших на него солдат. Мельников поспешил на помощь командиру, застрелил одного. Но другой солдат изловчился и взмахнул штыком. Вперед метнулся капитан Кент, и удар пришелся в его левую руку. Американский летчик упал.

– В машину его! – приказал Пономаренко.

Сержант Волк поднял Кента и побежал к самолету.

Бой продолжался. Примчался Джавадов. Он принес несколько гранат и с ходу швырнул одну из них далеко вперед. Грохот разрыва смешался с нарастающим ревом моторов. Над скалой пронесся взлетевший бомбардировщик. Капитан Пономаренко на секунду приподнялся, провожая глазами свою машину...

Немцы, их было до взвода, замкнули кольцо. Положение обороняющихся стало критическим. Прекратил стрельбу раненный в шею сержант Мельников. В следующую минуту был подбит капитан Пономаренко. И только сержант Джавадов продолжал вести бой. Он действовал автоматом, расстреливая последний диск. Рядом с ним шлепнулась граната на длинной деревянной ручке. Секунду она вертелась, а потом взорвалась. Джавадов встал, тяжело шагнул вперед и рухнул на тело своего командира.

6

Капитан Пономаренко открыл глаза. Он сидел, прислоненный к скале, против пожилого худощавого гауптмана. Немец курил и внимательно наблюдал за его лицом, словно изучая его.

Пришел в себя Джавадов. Он был невредим, но оглушен. Секунду кавказец соображал, а потом оскалил зубы и, крича что-то по-азербайджански, кинулся на гауптмана. Стоявший рядом с офицером солдат ударил Джавадова, и тот снова упал.

Гауптман сделал знак низкорослому мрачному лейтенанту с изрытым оспой лицом. Тот скомандовал. Солдаты поволокли Джавадова и Мельникова куда-то в сторону. У скалы остались только офицеры, включая пленного Пономаренко.

Гауптман приказал пилоту встать. Тот исполнил требуемое.

– Кто вы такой? – спросил немец. – Какая часть, сколько машин, где базируетесь, почему потерпели аварию?

– Это не моя машина, – пожал плечами Пономаренко, поглядев в сторону разбитого американского бомбардировщика.

– Бросьте врать! – прикрикнул на него гауптман.

– Я говорю правду. Там опознавательные знаки. Вы же офицер – разберитесь.

Гауптман обменялся взглядом с рябым лейтенантом. Тот отправился к машине и, вернувшись, что-то сказал начальнику.

– А где люди с американского самолета? – спросил гауптман у Пономаренко.

– Улетели.

– На чем?

– На моем самолете. Мы спасли их.

– А сами... остались здесь?

Офицер вытащил пистолет, приставил его к груди пленного и вновь задал вопрос об экипаже американской машины. Пономаренко молчал и прямо глядел в глаза гауптмана. Тот понял, что русский говорит правду. Но предоставить машину другим, а самому оказаться в таком положении!.. Фашистский офицер никак не мог понять, чем, собственно, можно объяснить такой поступок? По его требованию Пономаренко рассказал о происшествиях последнего часа. Офицер слушал, не перебивая, изредка бросая на русского испытующие взгляды. Потом он приказал своему помощнику удалиться, закурил сигарету и дал закурить Пономаренко.

– Поговорим немного, – сказал гауптман, присаживаясь на камень. – Поговорим и будем откровенны. Прежде всего: убивать вас я не собираюсь... Но раньше, чем начать наш главный разговор, я хотел бы спросить...

Капитан Пономаренко тревожно посмотрел на немца.

– Что вам от меня надо?

– Вопросы задаю я. Ваше дело отвечать. Вы... хорошо знаете американцев?

Пономаренко пожал плечами.

– Они в союзе с нами. Помогают нам... правда, не очень хорошо...

Гауптман усмехнулся.

– И это все?.. Мало. Я знаю о них гораздо больше. Мой отчим – владелец одного химического концерна. Не будем называть имен, но очень крупного концерна. Три десятилетия назад концерн установил деловой контакт с одной американской фирмой. Тоже крупной и тоже химической. О, мы стали друзьями. И я могу с удовлетворением сообщить, что наши деловые связи не ослабли даже во время этой войны. Нужны факты?.. Извольте! Последние партии наших фау, взрывающиеся сейчас где-нибудь в Лондоне, и наши торпеды, которые так славно расправляются с судами союзников, начинены новой чудовищно сильной взрывчаткой, изобретенной американскими химиками. Ее передали нам американские дельцы. Ну?..

Гауптман ждал, что русский пленный будет возмущаться, негодовать, но Пономаренко остался равнодушен. Помедлив, он спросил:

– А сколько таких же ценных патентов переправили через океан германские промышленники? Или я ошибаюсь, и американцы помогали вам бескорыстно!

Гауптман молчал. Этот русский пилот словно прочитал его мысли. Американцы, будь они прокляты! Сколько ценностей выкачали они из бедной Германии! Скольких немецких промышленников обобрали и пустили по миру без нитки! Патенты... Разве можно подсчитать и оценить все то, что уплыло к янки по всевозможным картельным и иным соглашениям, которыми хитрые и коварные заокеанские дельцы опутали простодушных и доверчивых германских фабрикантов и заводчиков!..

Немецкий офицер гневно стиснул челюсти и скрипнул зубами.

– Мы ненавидим их!.. Немногим меньше, чем вас, русских. Американцы!.. Они хотят положить в карман весь мир и ничего не оставить другим... А вы – глупец. Разве кто-нибудь из так называемых союзников русских сделал бы для вас то, что сегодня совершили ради них вы?!

Неподалеку раздались выстрелы, крики «халыт!». Пономаренко и гитлеровский офицер видели, как солдаты метнулись куда-то в сторону, стреляя и крича, окружили кустарники и выволокли оттуда человека. Ему скрутили за спиной руки и пинками заставили идти к скале.

– Ведите сюда! – приказал гауптман.

Вскоре задержанный был доставлен. Пономаренко вскочил на ноги в глубоком волнении. Перед ним, истерзанный, избитый, с залитым кровью лицом, стоял капитан Кент! Он встретился взглядом со своим русским товарищем и раздвинул в горькой улыбке разбитые вспухшие губы.

– Я не мог улететь без вас, дружище... Хотел помочь. Чертовски не повезло. Можете вы простить меня?..

– Кто это такой? – спросил гауптман.

Кент молчал. Он, не отрываясь, глядел в лицо Пономаренко.

– Кто вы? – заорал гитлеровец.

Кент шевельнул плечом, но снова не удостоил ответом немецкого офицера.

– Американец, – объяснил один из солдат. – Подкрался и пытался стрелять.

Пономаренко подошел к Кенту, обнял его, заботливо вытер с лица кровь. Потом он обернулся к гауптману.

– Как видите, разные бывают американцы... Не так ли?

Кента увели. Гауптман продолжал прерванный разговор.

– Вы, – сказал он, вновь усаживаясь на камень, – будете слушать меня внимательно, если, конечно... хотите жить. Вы мне нужны, капитан, как, впрочем, и я вам. Налицо обоюдная заинтересованность, то есть то, что требуется для сделки. Я и предлагаю вам сделку. Вы получаете свободу и можете убраться к своим. Больше того, я даже помогу вам перейти линию фронта. Ну, согласны?..

Пономаренко не ответил, и гауптман по-своему истолковал его молчание.

– Я думаю, что согласны. Какой дурак захочет умереть, вместо того чтобы жить! Но и вы должны оказать мне услугу. Я ничего не делаю даром... Так вот, будем откровенны. Немцы проиграли войну. Скоро все кончится, я понимаю это. Несомненно, русские займут всю Германию. А я хочу жить, и жить хорошо. Вы должны помочь мне в этом. Вы явитесь к своему командованию и подробно расскажете об обстоятельствах вашего чудесного спасения. Вы не пожалеете для своего рассказа красок. Моя фамилия – Векслер, Гюнтер Векслер. Запомните хорошенько. И – не беспокойтесь: никто из тех, что попали вместе с вами в плен, не смогут вам повредить. Эти люди будут уничтожены здесь же, при вас. Давайте руку!

Пономаренко несколько секунд сидел неподвижно. Потом он встал, стиснул кулаки и, наклонившись вперед, двинулся на Векслера. Гауптман попятился, расстигивая кобуру.

Сделав несколько шагов, пилот остановился. Силы оставили его. Он зашатался и опустился на землю.

7

21 апреля 1945 года советские войска начали бои за Берлин. В эти дни в своем бетонном логове под зданием новой имперской канцелярии принял яд Адольф Шикльгрубер – Гитлер.

30 апреля в 14 часов 25 минут над зданием берлинского рейхстага взвилось алое Знамя Победы.

2 мая пала столица фашистской Германии, в боях за овладение которой Советская Армия взяла в плен свыше 300 тысяч немецких солдат и офицеров.

8 мая в одном из пригородов Берлина представители немецкого главнокомандования подписали акт о безоговорочной капитуляции. А на следующий день в столице братской Чехословакии – Праге, освобожденной советскими войсками, прогремел последний выстрел Второй мировой войны.

Наш народ, которым руководит Коммунистическая партия, одержал величайшую в истории человечества победу. Закончилась Великая Отечественная война.

В этот день по улицам одного небольшого городка, расположенного на западе Германии, в сверкавшем лаком автомобиле ехал полковник Джордж Гаррис. Его лицо, осанка, блеск глаз, парадная форма, многочисленные орденские ленты на груди – все это свидетельствовало о преуспевании и благополучии, об отличном настроении. Еще бы! Только несколько дней назад он получил это новое чудесное назначение, став военным комендантом не очень крупного, но весьма важного промышленного района Германии. Да, черт возьми, его звезда разгорелась ярко и все выше поднимается на этом небосводе бизнеса и славы! Гаррис довольно ухмыльнулся и, расправив плечи, огляделся вокруг.

Машина шла по центральной улице, сплошь застроенной высокими, в дымчато-черной штукатурке зданиями. Нижние этажи домов, занятые конторами и магазинами, были зашторены гофрированным металлом – деловая жизнь города еще не была восстановлена.

Автомобиль обгонял группы немцев. Они несли какие-то кошельки, свертки; иные катили груженные детские колясочки. Военный комендант выехал к центральной площади города и тут понял, куда направлялись жители. На площади стояла толпа. Здесь была организована барачка и шел оживленный торг. Американцы обменивали пачки сигарет, консервы и желтые коробки со стандартными продовольственными пайками на различные вещи, отдавая предпочтение часам, фотографическим аппаратам и золотым безделушкам. Голодные немцы были сговорчивы, и коммерсанты делали неплохие дела.

К площади подкатывали виллисы и доджи, из которых выпрыгивали все новые группы предприимчивых спекулянтов.

Гаррис усмехнулся. Каждый заботится о своем бизнесе, как может. Такова природа янки: при любых обстоятельствах они остаются деловыми людьми. И этим только можно гордиться.

На следующей улице два изрядно подвыпивших солдата тащили в дом какую-то девушку, визжавшую и отбивавшуюся. Парни в лихо сдвинутых набок пилотках хохотали и шаг за шагом преодолевали сопротивление молодой немки.

Гаррис кашлянул и отвернулся. В радостные дни, подобные тем, какие переживает сейчас каждый американец, не следовало вмешиваться в такие дела. К тому же ничего с этой девчонкой не стрясется. А солдаты заслужили это маленькое развлечение.

Машина въехала в широкие позолоченные ворота, прошуршала шинами по аллее и затормозила возле большого красивого дома. Полковник выбрался из автомобиля и взойшел по ступеням крыльца в просторный холл. Здесь, перед массивной темной дверью, сидел капрал с глазами навывкате – будто он был чем-то испуган. Капрал вскочил, с грохотом свалив стул.

– Что нового, Динкер? – спросил Гаррис.

Капрал Динкер доложил, что все в порядке, если не считать небольшого происшествия: возле колонны боевых машин задержан немец.

– Немец? – переспросил Гаррис. – Давайте его сюда.

И он прошел в кабинет. Это была большая, отлично меблированная комната. Дальний ее угол занимал массивный письменный стол с таким же креслом. Возле одного из окон стоял столик с радиостанцией, за которым работала Патти Джонсон.

Гаррис круто обогнул стол и с размаху опустился в кресло. Патти подала ему расшифрованную телеграмму. Она начиналась словами: «Военному коменданту», и Гаррис дважды перечитал их, крикнув от удовольствия. В самом деле, это не шутка – быть военным комендантом района, в котором сосредоточено столько заводов, рудников и прочих приятных вещей! Повозиться здесь годик, другой, не потратить времени зря, и потом... Предвкушая это «потом», Гаррис зажмурился от удовольствия и что-то замурлыкал, отчего сделался похож на огромного рыжего кота. Затем он открыл глаза и оглядел стоящую перед ним радистку.

– Ого! – сказал Гаррис. – Вы принарядились сегодня, девочка! Счастлив тот, кто подцепит такую жену. Вы не думаете еще о подобных вещах? Война окончена, и теперь каждый может позаботиться и о себе.

Патти печально опустила голову.

– Вы все еще не можете забыть того капитана, все еще верны ему? – воскликнул Гаррис. – Конечно, жаль Кента, но – что делать? Его давно нет в живых. Господь принял душу этого храброго pilota.

Полковник вздохнул и возвел очи горе. Патти стояла, готовая расплакаться. В эти дни все празднуют победу. Такая радость у каждого. А она!.. Кент, Кент, как любила его Патти! Какой это был преданный друг... Ей очень жаль и того русского – Пономаренко с его экипажем, мужественных русских воинов, настоящих рыцарей...

Девушка не выдержала, поднесла платок к глазам и, сгорбясь, отошла к окну.

Стало не по себе и полковнику. Он тяжело завопил в кресле, зажег трубку, кашлянул. Все-таки много горя причинили людям эти нацисты. Но мертвых не воскресишь, а живые должны жить.

– Да, должны жить, – проговорил Гаррис вслух. – Патти, советую вам жить. Идите и постарайтесь развеселиться. Я не терплю печальных лиц.

Патти вышла из кабинета. Солдат ввел задержанного. Гаррис с веселым презрением посмотрел на немца. Это был молодой человек в поношенной пиджачной паре, с невыразительными, словно оловянными, глазами и стертым лицом.

– Кто вы такой? – спросил Гаррис.

Немец молчал.

– Выкладывай! – заорал полковник. – Или ты думаешь, что у меня есть время возиться с каждым паршивым немцем!

– Я хотел бы предложить свои услуги, – робко проговорил арестованный.

– Что он сказал? – озадаченно спросил Гаррис.

Солдат вытянулся.

– Я так понял: он хочет служить нам, сэр.

– Так... – Гаррис помедлил. – А ну, обшарьте его карманы!

Солдат ощупал задержанного.

– Ровным счетом ничего, – сказал он.

– Это и подозрительно. Искать лучше!

– Герр полковник, – торопливо заговорил немец, – я имею предложение... Я честный немец и хотел бы... мне сказали, мы можем рассчитывать на хороший прием. Я окажу услугу...

– К черту твои услуги! – оборвал его комендант.

Солдат вдруг стащил с арестованного пиджак.

– В подкладке что-то хрустит... Ага, вот!

И, вспоров шов пиджака, он вытащил бумагу.

Гаррис внимательно ее прочитал.

– Так, – сказал он зловеще, – значит, честный немец?

Вошел капрал Динкер.

– Вы суетесь не вовремя, капрал, – недовольно сказал Гаррис.

– Но вас спрашивают двое, сэр... Кажется, их зовут мистер Стэнхоп и мистер Кей.

Гаррис вскочил на ноги.

– Стэнхоп и Кей! – вскричал он в сильнейшем волнении.

– Да, сэр.

– Где же они?

– Возле часового. Прикажете пропустить?

Полковник схватился за голову.

– Вы заставили ждать этих джентльменов? О, какой же вы идиот, Динкер! Зовите!.. Пригласите их!

Капрал метнулся из комнаты. Гаррис поправил перед трюмо мундир и пригладил волосы. Отворилась дверь, и он, протянув вперед руки, поспешил навстречу двум посетителям в светлых пальто и шляпах.

– Здравствуйте, Гаррис, – густым басом проговорил высокий и очень полный американец, румяный и седоволосый.

– Бог мой, мистер Стэнхоп! Это вы? Как я рад, какую вы оказали мне честь!

– Здравствуйте, дружище, – сказал другой гость.

Гаррис на секунду оставил Стэнхопа.

– И вы, Кей!.. Нет, провалиться мне на месте, если это не сон!

Гаррис был в восторге от встречи. Он суетился вокруг гостей, собственноручно принял их пальто и шляпы.

Через минуту все трое сидели в креслах, расставленных вокруг низкого полированного столика. Гаррис раскрыл ящик с сигарами, предложил Стэнхопу и Кею.

– Нет, – сказал он, зажигая спичку, – не верится, что вы – и вдруг здесь, в этой дыре!

– Давненько мы не виделись, – задумчиво проговорил Стэнхоп.

– Два года! И я скажу: это срок!

– Срок, но вы – словно законсервированы, – заметил Кей.

– Еще бы, – усмехнулся Стэнхоп, оглядывая кабинет, – здесь совсем недурно.

– И даже очень недурно, – подтвердил Кей. Он бросил взгляд на молчаливо стоящих в своем углу немца и солдата. – Ладно, кончайте скорее с вашим делом. У нас не очень много свободного времени.

– Только секунду, – воскликнул Гаррис. Он взял со стола найденную у немца бумагу и подошел к арестованному.

– Так, значит, честный немец? – с угрозой проговорил он. – И даже после того, как я обнаружил эту бумажку? Получай, каналья!

И Гаррис сильно ударил немца, потом еще и еще.

– Ловко, – сказал Стэнхоп.

Гаррис оглянулся на гостей, оценивая произведенное впечатление. Гости были довольны.

– Ловко, – повторил Стэнхоп. – Коммунист?

Гаррис заглянул в бумажку.

– Обершарфюрер СС Макс Штиммель! А прикидывался овечкой!

– Я хотел сказать, – начал было немец.

– Молчать, – заорал Гаррис. – В тюрьму его! И смотреть получше!

Солдат вытолкнул задержанного из кабинета.

Вошла Патти. Кивнув сидящим, она обратилась к Гаррису:

– Я могу работать, сэр?

– Да... то есть... – Гаррис вопросительно посмотрел на гостей. – Это радистка Джонсон. Она не помешает, если немного постучит там, в углу?

Стэнхоп кивнул. Патти прошла к аппарату. Гаррис подсел к гостям.

– Ну вот, – улыбнулся он. – Теперь я к вашим услугам. Расскажите же, как там в Штатах?

– В Штатах отлично, – сказал Стэнхоп. – Там не может быть плохо.

– Еще бы! – воскликнул Гаррис. – Война победно завершена. В Европе нет больше нацизма. И все видят, что это заслуга янки! Почему в Штатах должно быть плохо!

– А как здесь? – спросил Стэнхоп.

Гаррис выпрямился в кресле и выпятил грудь.

– Здесь мы уже сделали свое дело, джентльмены. Три дня, как не слышно ни одного выстрела. Признаться, мы даже отвыкли от этого. Тишина, как в Капитолии в полдень, когда почтенные конгрессмены заняты перевариванием своих бифштексов.

Кей, худощавый человек лет пятидесяти, с темными колючими глазами и горбатым хищным носом, иронически усмехнулся.

– Насколько нам известно, – сказал он, – здесь вообще не очень стреляли... последнее время.

Гаррис развел руками: не его вина в том, что напуганные мощью американского оружия немцы удирали поспешно и не смогли организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления.

– Бросьте, – сказал Стэнхоп. – Вы говорите не с репортерами. И давайте выпьем. Неужели здесь придется погибнуть от жажды?

– Вы плохо думаете обо мне. Виски, вермут или джин?

Гости попросили виски, и Патти принесла бутылки, бокалы со льдом и сифон с содовой.

– Славная девушка, – сказал Стэнхоп, провожая Патти взглядом.

Гаррис усмехнулся.

– Я знаю толк в людях и умею подбирать их для себя. Исполнительна и надежна, как арифмометр. Но последние полгода сильно отразились на ней. Бедняга никак не может прийти в себя... Патти, – сказал комендант громко. – Вы можете отдыхать.

– А как же рация, сэр?

– К черту рацию. Война окончилась, и теперь рация может подождать. Ничего с ней не стряется.

Патти вышла.

– Что же случилось с ней? – спросил Кей.

– Это длинная история, – Гаррис нахмурился, отгоняя мрачные воспоминания.

Скрипнула дверь. В кабинет просунулась голова капрала Динкера. Он робко доложил, что к коменданту пришел еще один немец.

– Где его взяли? – спросил Гаррис.

– Он пришел сам, – объяснил Динкер. – Это какой-то странный немец, сэр.

– Гоните его!

– Я пытался это сделать, но он не уходит. Он утверждает, что знает этих джентльменов.

Право, я...

– Стоп, капрал, – прервал его Стэнхоп. – Он сказал, что знает нас?

– Да... И что вы назначили ему встречу здесь.

– Зовите его!

Динкер исчез и через минуту ввел посетителя. Это был Гюнтер Векслер, гауптман. Но сейчас одежду его составляли не мундир офицера, как полгода назад, а отлично сшитый серый костюм, пыльник и шляпа.

– Ба, да это Векслер! – воскликнул Стэнхоп.

– Могу поклясться, что это он! – подтвердил Кей.

Векслер, сияя улыбкой, подошел к американцам и горячо пожал им руки.

– Да, – сказал он, – это я, господа. Рад приветствовать вас в моей стране. Чтобы позжать вам руки, я сделал за три часа почти триста километров.

– Знакомьтесь, – сказал Кей и представил Гаррису Векслера. Последний отрекомендовался представителем фирмы «Хофт унд Векслер, химические заводы».

Кей наполнил бокалы и торжественно заявил, что сегодняшняя их встреча – это знамение судьбы. Война окончена, и они больше не враги.

– Именно так, – подтвердил Векслер. – Впрочем, деловые люди не были врагами даже тогда, когда гремели пушки и рвались бомбы.

Все выпили. Завязалась оживленная беседа.

8

Патти медленно шла по дорожкам сада. Было тепло. Ярко светило солнце. Влажная после дождя земля, одетые молодой листвой деревья, огромный куст ранних роз, покрытый крупными алыми цветами, источали гамму ароматов, от которых слегка кружилась голова.

Но девушка не замечала прелестей весны. Не для нее была эта весна. На сердце Патти была осень. Тогда, перед взлетом самолета, она могла бы задержать Кента, – слабый, он едва двигался, и ей достаточно было бы сделать небольшое усилие, чтобы Кент остался в самолете и улетел вместе с ней и Гаррисом. Но когда Кент направился к люку и вывалился на землю из готового начать разбег самолета, Патти восприняла это как нечто само собой разумеющееся. Кент не мог поступить иначе! Он был очень честным. И он остался верен себе даже в эту трудную минуту... А те русские! О, это сильные, очень сильные люди! И – странно! Теперь, всякий раз, когда Патти начинает думать о Дэвиде, рядом с ним в ее сознании всплывает милое, добродушное лицо русского пилота Пономаренко...

Патти вздохнула, вспомнив, как они прилетели на аэродром русских. Приземлившуюся машину окружили летчики во главе с командиром части. Они уже знали обо всем, стояли молча, и только в стороне командир тихо беседовал с летчиком, привезшим их, выясняя подробности. Тишину нарушили только рыдания маленькой русоголовой девушки, – как потом узнала Патти, – кельнерши из столовой пилотов... Прошел час. Командир советских летчиков отдал приказ. Взрели моторы десятков машин. Один за другим уходили в воздух самолеты. За гибель своих товарищей летчики мстили, отправляясь в тыл врага с полным грузом бомб. О, кто сомневается, что они хорошо выполнили свое дело!.. Но все равно, нет в живых Кента и тех чудесных советских пилотов. Надо жить, говорит полковник Гаррис. А как? Как жить теперь Патти? Что ее ждет впереди?..

Часы на городской башне проббили два раза. Патти испуганно встрепенулась. Через несколько минут должен был начаться очередной радиосеанс, особенно важный. Девушка взбежала по ступеням крыльца и вошла в кабинет Гарриса. Там было накурено и шумно. Видимо, хозяин и гости изрядна выпили.

При появлении Патти Стэнхоп встал, держа в руках стаканчик.

– О, мисс...

– Джонсон, – подсказал Гаррис.

– Джонсон... Не выпьете ли вы с нами?

Патти объяснила, что должна работать: прием из Штатов. Стэнхоп сокрушенно развел руками и сел. Патти прошла в свой угол.

– Кстати, – сказал Стэнхоп, обращаясь к Гаррису, – вы так и не рассказали нам, почему печальна ваша радистка.

– Извольте, – ответил комендант. – Это произошло минувшей зимой. Вместе с ней мы летели с наших баз на севере Франции напрямик к Советам. Все шло хорошо, пока нас не обстреляли над одним из городов. Машина получила хорошую порцию свинца, мы – тоже. Пришлось сесть. Мы вызвали по радио помощь. Пришел самолет русских. И мы уже собирались подняться в воздух, как вдруг появились немцы.

– Ого! – сказал Стэнхоп.

Векслер, готовившийся закурить сигарету, задержал в руке спичку и обжег палец.

– ...Все же нам удалось взлететь. Конечно, поднялась ужасная паника, и мне м-м... пришлось проявить некоторую... распорядительность. Но в общем все обошлось. Все, если не считать того, что мой пилот Кент в последний момент выпрыгнул из машины.

– В воздухе? – воскликнул Стэнхоп.

– На земле. Дело в том, что эти русские затеяли перестрелку. Вот Кент и не захотел их оставить.

– Так они остались на земле?! – воскликнул Кей.

– Да...

– Русские и ваш пилот?

– Да... Порыв сумасшедшего. Чудак, он мог спасти шкуру.

– И они погибли?

– Несомненно.

– Д-да, – проговорил Кей. – Но при чем здесь ваша радистка?

– Видите ли, она и Кент... Словом, оказывается – они знали друг друга давно и уговорились даже пожениться. И представьте – Джонсон никак не может его забыть!

Векслер внимательно поглядел на Гарриса, потом перевел взгляд на Патти и усмехнулся.

– Печальная история, – проговорил он. – Жаль этих бедных людей.

– Да, – кивнул Стэнхоп. – Но перейдем к делу. Мы слушаем вас, мистер Векслер. Вы сделали триста километров за три часа не только ради удовольствия пожать нам руки.

Немец погасил сигарету.

– У вас говорят: время – деньги. Мы, немцы, думаем точно так же. Мы сильно пострадали за последний год-полтора. Без вас нам не оправиться. Время идет. Нельзя медлить. Поэтому мы говорим сегодня: помогите Германии, дайте нам возможность встать на ноги, и мы щедро отблагодарим вас. Кстати, немецкие заводчики и фабриканты у руля германской промышленности – верная гарантия того, что у нас не поднимет голову коммунизм. И это, как мы думаем, не только в наших интересах!

– Ближе к делу, – сказал Стэнхоп.

– Семь наших заводов разрушены. Вместе с двумя другими, почти целыми, они находятся на востоке, в зоне русских. Остается еще шесть. Они здесь, и они в порядке. При наличии сырья и рабочих мы могли бы через месяц-другой выпустить первую партию продукции. Для начала это может быть взрывчатка. Подчеркиваю: отличная взрывчатка.

– Но для какого дьявола нужна взрывчатка? – грубо прервал его Гаррис. – Япония тоже не протянет долго: я слышал – русские хотят вмешаться...

– Погодите, Гаррис, – сказал Стэнхоп. – А сумели бы вы, Векслер, делать те сорта, которыми начинали самолеты-снаряды?

Немец усмехнулся.

– Есть кое-что и получше...

Кей беспокойно шевельнулся в кресле.

– У вас есть записи, планы восстановления заводов, другие документы?

Гаррис молча, с растущей тревогой наблюдал за тем, как Векслер раскладывал на столе бумаги.

– И мы, – сказал Векслер, – были бы бесконечно счастливы, если бы новые фау, еще более мощные, сделанные руками немцев и американцев, понеслись на восток!

Бывший гауптман произнес эту тираду, стиснув кулаки и выпучив глаза, захлебываясь от ярости и злости.

Гаррис медленно встал.

– Послушайте, – угрюмо сказал он, – вас знают мои друзья, и это хорошая рекомендация. Кроме того, вы мой гость. Но вы – спятили! И я предупреждаю, что если...

– Садитесь, дружище, – перебил его Стэнхоп. – После войны каждый идет своей дорогой. И неизвестно, куда ведет дорога красных.

– Нет, нет, – заторопился Гаррис, – я понимаю: за ними нужен глаз и глаз, но снова войну!..

– Если они не уgomонятся, – то да, снова, – жестко сказал Кей. – Давайте ваши бумаги, Векслер. Мы внимательно их рассмотрим. Зайдите к нам завтра. Отель «Виктория». Подойдет это вам?

– Вполне.

Векслер встал, взял пыльник и шляпу.

– Я ухожу полный надежд, джентльмены. Я искал, и я нашел друзей.

– Ищите и обряцете – так, кажется, сказано в Священном Писании, – кивнул Стэнхоп.

Векслер ушел. Гаррис сидел хмурый, сосредоточенно размышляя. Предметом его дум был Вильям Стэнхоп. Крупный предприниматель и делец, доверенный одного из могущественнейших людей Америки, который владеет не одним миллиардом долларов, мистер Стэнхоп появлялся только там, где, как сказал бы военный, намечалось направление главного удара. Если надо было, он без шума устранял любые препятствия. Если возникала нужда, Стэнхоп горстями швырял вокруг себя деньги. Он не признавал никаких преград, и Гаррис мысленно всегда сравнивал Стэнхопа со слоном, который мчится вперед, сокрушая на своем пути все. Со Стэнхопом Гарриса связывала многолетняя дружба. Впрочем, это не то слово. Стэнхоп учился в том же колледже, что и он. И случилось как-то так, что Стэнхоп еще в те времена стал опекать Гарриса, оказывать ему свое покровительство. За это Гаррис часто выполнял особо щекотливые поручения своего доброжелателя.

Другой гость был вполне достоин Стэнхопа. Правда, он всегда предпочитал не лезть вперед, а держаться в тени, но кто-кто, а уж Гаррис знал, что инициатором и творческим вдохновителем ряда блестящих коммерческих комбинаций содружества Стэнхоп – Кей был именно он, Мортимер Кей, человек с глазами рыси и нюхом шакала.

И вот – оба они здесь. Значит, готовится что-то весьма большое и интересное... Черт, надо быть настороже, чтобы не упустить своей доли. А он, кажется, вел себя не совсем так, как следовало бы... Причина появления в этом городке Стэнхопа и Кея была Гаррису до сих пор неизвестна, и это только разжигало его интерес.

Молчание прервал Стэнхоп.

– Слушайте меня, Гаррис, и постарайтесь понять. Вы должны запомнить, дружище, что войны больше нет... против немцев, и теперь вы должны заботиться о них!

Гаррис, ожидавший чего угодно, но только не этих слов, даже привстал от удивления.

– Будь я проклят, если шевельну хоть пальцем!

– Слушайте и постарайтесь понять, – прервал его Кей.

Стэнхоп продолжал:

– Вам надо заботиться о них, чтобы мы могли посылать сюда все то, чего за океаном скоро станет слишком много. Вы должны знать также, что на немцев будут возложены задачи особой важности... Вот пока все, что я могу сообщить. Вы умный человек и вы поймете, что недосказано. Теперь о заводах...

– Вы не можете жаловаться, – воскликнул Гаррис. – О заводах я заботился, как о самом себе. Я лез из кожи вон, но добился своего: ни один из них не пострадал!

– Знаю. Что касается заводов, то все самое ценное здесь должно либо принадлежать американцам, либо работать так, как это выгодно нам.

Кей зажег сигару и откинулся в кресле.

– Сейчас, – заметил он, – заводы и фабрики Штатов дымят круглые сутки. Они выбрасывают на рынок продукцию на многие миллиарды долларов. Внутренний рынок заполняется с катастрофической быстротой. Что произойдет, когда он заполнится? Думает ли об этом господин Гаррис? Нет, очевидно. А мы думаем. Ведь все говорит о том, что большинство стран Европы поворачивает фронт против Штатов!

– И если, – заключил Стэнхоп, – мы не станем твердой ногой здесь и на востоке, все может пойти к черту. Или мы добьемся своего, или нас задушат у нас же, за океаном. Они

молчат, пока имеют работу и жратву. А когда не будет ни того, ни другого? Что тогда? Нет, пусть подышают другие!

Кей сказал:

– Хороня монарха, англичане говорят: умер король, да здравствует король! Мы говорим: закончилась война, да здравствует война!

– Настоящая война... против русских? – прошептал Гаррис.

Стэнхоп пожал плечами.

– Пока я назвал бы ее м-м... холодной войной – войной шпионов и газет, радио и общественного мнения, войной пактов и торговых ограничений. А что будет потом – разрабатывается в Пентагоне... Все это вы должны хорошо понять, Гаррис. Берегитесь, чтобы не оказаться старомодным. Нигде это не опасно так, как в нашей стране. Тому, у кого появляется старческая одышка и немощь, – тому приходит конец! Ведь вы не хотели бы выйти из игры, старина? – Стэнхоп прищурил глаза и, передразнивая, проговорил: – Русские союзники... проклятый нацист. Э, теперь поют другие песни!

Гаррис сидел подавленный и растерянный.

– А теперь, – сказал Стэнхоп, – перейдем к более приятным вещам. – Он вытащил пакет и передал его коменданту. – Возьмите это, дружище. Мне поручено поздравить вас первым, генерал Гаррис!

Полковник разорвал пакет. Там был приказ о производстве его в бригадные генералы. Гаррис встал, свалив стул. На минуту он лишился дара речи.

– А это от меня, – проговорил Кей, протягивая пакетик. – Я не хотел отставать от Стэнхопа. Это – награда за заводы.

В пакете были погоны генерала и чек на крупную сумму.

Стэнхоп наполнил бокалы. Все встали. Гости провозгласили тост за благополучие и дальнейшее преуспевание новоиспеченного генерала.

Гаррис был растроган.

– Клянусь, – взволнованно проговорил он, – клянусь, что вы не пожалеете о том, что сделали для меня. – Он помолчал, сурово сжал губы и выгнул грудь. – Генерал Гаррис! О-о!.. Я счастлив, джентльмены!

9

Большой каменный подвал. Низкие своды, черные с прозеленью стены, решетчатое оконце под потолком и окованная железом дверь – все это напоминало страшные камеры пыток, воссозданные фантазией театральных художников для средневековых трагедий.

Но подвал не был бутафорией. В нем находились настоящие узники. Шестеро людей, орудуя куском железа и обломками табурета, рыли в углу яму. Работали молча, с каким-то ожесточением. В тишине слышались глухие удары о землю и тяжелое порывистое дыхание. Все были очень слабы, часто останавливались, чтобы собраться с силами.

Когда яма, длинная и узкая, была готова, люди заковыляли к нарам, которые тянулись вдоль одной из стен. Там лежал их товарищ – седьмой обитатель подвала.

Взошло солнце. Луч его проник сквозь оконце, скользнул по полу, взобрался на нары и осветил широко открытые неподвижные глаза лежащего, его задранный вверх подбородок с короткой всклокоченной бородой, грудь, измазанную запекшейся кровью. Это был сержант Мельников.

Стали видны и лица стоящих подле нар людей. Один из них – капитан Пономаренко, двое других – сержант Джавадов и капитан Кент.

Джавадов наклонился над телом Мельникова, поднял его и понес к яме... Вскоре в углу вырос невысокий могильный холмик. Узники стали на колени, заботливо выравнивали и пригладили руками насыпь. Джавадов отошел в сторону, и оттуда раздались его глухие, сдержанные рыдания – он был близким другом погибшего.

Пономаренко обнял сержанта, пытаясь успокоить.

– Не надо, товарищ капитан, не надо... Я Степана, как брата, любил, но плачу не только о нем... Мой старший брат рассказывал: когда в девятнадцатом году в Баку муссаватисты расстреливали отца, а он рядом стоял, связанный, то тоже плакал – от бессилия и ярости!..

Пономаренко очень хорошо понимал переживания Джавадова. Он и сам едва сдерживался. Тяжелое испытание выпало на их долю. «Плен» – это слово он ненавидел больше всех других страшных слов. Отправляясь в полег, Пономаренко всегда досылал патрон в ствол пистолета. Если его собьют, если ранят и не хватит сил оттянуть затвор оружия, то приставить пистолет к сердцу и спустить курок он сумеет! Лучше смерть, чем плен, думал пилот, и вот – оказался в плену!..

Пономаренко вспомнил, что произошло после разговора с гауптманом у разбитого американского самолета.

Немецкий офицер понял, что с ним не «сваришь каши». Гауптман оставил в покое Пономаренко и долго допрашивал других пленных, разговаривая с каждым в отдельности. Капитан догадывался, чего добивается немецкий офицер. Но замыслам гауптмана не суждено было свершиться. Кент и Мельников сидели, плотно сжав губы. Они молчали и лишь изредка отрицательно качали головой. Джавадов глядел на гитлеровца горящими глазами и, несмотря на связанные за спиной руки, несколько раз порывался вскочить и кинуться на врага.

Потом гауптман поднялся на ноги, подозвал рябого лейтенанта. Указав ему на пленных и сделав выразительный жест, гауптман забрал с собой людей и увел к поджидавшему их бронетранспортеру.

Рябой с двумя солдатами подняли пленных и повели куда-то в глубь поля. Пономаренко и его товарищи, не сговариваясь, подтянулись, выпрямились и запели «Интернационал».

А затем произошло следующее. Лейтенант остановил их и стал о чем-то шептаться с солдатами. Те слушали, поглядывая на пленных и согласно кивая. Оба они, как и лейтенант, были пожилыми людьми.

Кончив разговор, лейтенант подошел к пленным. Он улыбнулся и, ткнув себя пальцем в грудь, объявил, что он – печатник из Лейпцига. Солдаты же, – продолжал лейтенант, – тоже из простых людей: один – берлинский учитель, другой – грузчик гамбургского порта. Им приказано расстрелять пленных. Однако они решили не делать этого.

Пусть русские товарищи идут на восток. Быть может, им посчастливится и они доберутся до своих.

Развязав пленным руки, офицер и солдаты ушли.

Два дня пробирались на восток капитан Пономаренко и его товарищи, старательно обходя населенные пункты, сторонясь дорог. На третий день ослабевших от голода и ран беглецов схватил отряд полевой жандармерии...

Эти месяцы они провели в затерянном среди болот лагере!.. Конечно, капитан Пономаренко много раз мог лишиться себя жизни. Умереть тут было легче, чем выжить. Но советский офицер с первого же дня оставил даже самую мысль о смерти. Ведь он, капитан Пономаренко, оставался для своих подчиненных командиром и здесь. Он отвечал за них перед Родиной, перед партией, перед своей совестью!

Надо ли говорить о том, что капитан Пономаренко и его товарищи твердо решили бежать из лагеря! Решение о побеге они приняли еще в колонне пленных, в которой двигались на запад. Но советские летчики, наученные горьким опытом, поняли, что побег надо подготовить тщательно и прежде всего всем им следует окрепнуть и набраться сил.

План операции составлялся долго и тщательно. Летчики собирали продовольствие, прилагали отчаянные усилия, чтобы достать оружие. Это удалось только сержанту Джавадову. Неунывающий кавказец раздобыл где-то ржавый тесак, который они вычистили и наточили.

Дело с побегом двигалось медленно, но верно. Бежать, кроме группы Пономаренко, собирались и другие лагерники. И когда почти все было готово, нашелся предатель и донес о предстоящем побеге. Эсэсовцы переполошились. Начались поиски зачинщиков. Подозрение пало на группу Пономаренко. За нею стали следить.

Пономаренко решил ускорить проведение операции на сутки. И вот в назначенный час запылало несколько бараков. Пленные выскакивали из горящих помещений, инсценируя панику. Охрана растерялась. Джавадов, Мельников и еще трое пленных сняли двух часовых, и путь к свободе был открыт.

Всего бежало больше сотни людей. Они тотчас же разделились на мелкие группы и разошлись в разные стороны. Капитан Пономаренко за две первые ночи увел далеко от лагеря свой небольшой отряд. В глухой лесной чаще он остановился для отдыха. Казалось, ничто не угрожало беглецам. Но опасность была рядом. В лесу раздался лай ищеек, шедших по следу...

Схватка была короткой. Безоружная группа не могла долго защищаться.

Избитых и истерзанных, приволокли их в лагерь и бросили в этот каменный мешок вместе с тремя другими беглецами.

Это случилось неделю назад. Тогда-то и получил пулю в грудь сержант Мельников.

Допросы и избиения продолжались непрерывно. А трое суток назад в лагере поднялась суматоха. Охрана торопливо уводила колонны заключенных. Наконец шум стих, а затем в отдалении послышалась стрельба... И с тех пор вокруг лагеря царила тишина. Запертые в карцере, они остались одни – без пищи, без воды, без сил, чтобы выломать эту тяжелую, словно бронированную, дверь... Впрочем, быть может, попытаться еще раз?

Пономаренко скомандовал. Лагерники подошли к двери, навалились на нее. Но дверь даже не дрогнула. Один из заключенных, высокий старик, пододвинул к стене табурет, забрался на него и выглянул в окошко.

– Что там, профессор? – спросил Пономаренко.

Профессор Иоганн Буйкис – ученый биолог из Риги – вздохнул и слез с табурета.

– Все то же, – мрачно проговорил он. – Унылое болото и ничего живого.

Сидевший за столом мужчина лет тридцати, с тонким и болезненным лицом, встал и в порыве отчаяния бросился на нары.

– Не могу больше! – простонал он. – Где предел этой нечеловеческой подлости! Убили бы сразу. О, звери!

Его звали Гавриил Беляев. Год назад молодой хирург Беляев был заброшен на самолете в тыл врага для оказания помощи группе обмороженных партизан. Спустившись с парашютом, он попал к партизанам в тот момент, когда они отчаянно отбивались от отряда карателей. Хирург вынужден был действовать не скальпелем, а автоматом. Пятерых партизан, в том числе и Беляева, схватили...

Всегда твердый и выдержанный, Беляев сильно сдал за последнее время. Он ослабел и часто терял над собой власть. Сейчас Беляев лежал, стиснув руками голову, и повторял: «Звери, звери!»

– И вы бы согласились, чтобы вас так просто убили? – мягко спросил его Пономаренко.

– Что угодно, но только не это!

– Нет, – покачал головой пилот. – Я жить хочу! Жить, чтобы рассчитаться за все! Как думаешь, Джавадов?

– Жить! – воскликнул кавказец. – Жить и отомстить!

– А если и умереть, – продолжал летчик, – то так, чтобы захватить с собой на тот свет с десятков врагов!

– Без них скучно на том свете, – мрачно улыбнулся Кент. – Но еще лучше, если жить будем мы, а подохнут – они!

– Слышали, доктор? – сказал Пономаренко. – Так вот, держитесь! Надо держ...

Он не договорил, побледнел и потерял сознание. Джавадов и Кент подхватили пилота и отнесли на нары. За ними отправился к нарам старшина Островерхий – бывший председатель колхоза на Харьковщине. Это был коренастый неторопливый человек средних лет, с тяжелыми руками крестьянина. Кряхтя, забрался он на нары и тотчас же заснул.

Уложив Пономаренко, Джавадов и Кент подсели к столу.

– Третий раз сегодня, – заметил сержант. – А говорит: надо держаться. Сердце, как у льва!

– Сердце, – с досадой ответил Беляев. – Еще день-два, и лопнет к чертям это сердце!

– Быть может, и не следовало затевать истории с побегом? – задумчиво проговорил Буй-кис.

Беляев поднял голову, злобно усмехнулся.

– Конечно, надо было вести себя, как бараны на бойне, и по мере сил работать на этих извергов!

– Не о себе говорю, – обиженно поджал губы профессор. – Я что? Я свое прожил и, если хотите знать, хорошо, с пользой для общества! А вот вы – молодые! Жалко же...

Пономаренко застонал.

– Воды ему надо, – сказал Кент.

– Воды, – усмехнулся Джавадов. – Где возьмешь воду?

Пилот снова застонал – мучительнее, громче.

– Доктор, – позвал Кент, – подойдите к нему.

– Оставьте, – махнул рукой Беляев, – пусть хоть умрет спокойно!

Джавадов одним скачком оказался подле Беляева, схватил его за грудь. Страшен был Джавадов в эту минуту. Но хирург не испугался.

– Пустите, – равнодушно проговорил он. – Пустите... ну! Разве врач я теперь? Он умирает от жажды. Прибавьте, что все эти месяцы ваш командир так и не смог оправиться от ранения. Да еще эти побои...

Пономаренко затих. Кент оставил его и подсел к столу, где собрались остальные. Лагерники стали обсуждать создавшееся положение. Буйкис считал весьма странным поведение охраны лагеря, забывшей об обитателях карцера.

– И ничего странного, – возразил Беляев. – Немцы удрали, видимо, получив сведения, что неприятель близок. В суматохе забыли о нас. А это собачье болото в стороне от всяких дорог. Поди сыщи в нем лагерь! До того, как его обнаружат, мы сто раз умрем с голода и жажды.

– Нет! – воскликнул Джавадов и приложил руку к груди. – Сердце чувствует, что освободят нас!

– Да, придет свобода! – вскричал Буйкис. – И мы снова станем людьми, которые могут делать все, что хотят. – Он взволнованно зашагал по подвалу. – Знаете, я начал перед самой войной такую важную работу!.. Интересно, удалось ли жене сохранить мои записи, библиотеку...

Беляев насмешливо посмотрел на него.

– Записи... библиотеку... Вы уверены, что ваша жена цела, а дом не сравнен с землей?

Буйкис схватился за сердце.

– Зачем болтаете? – угрюмо сказал Джавадов. – Старика расстроили. Его поддерживать надо, а вы...

– Оставьте меня в покое! – вспыхнул Беляев.

– Это вы никому не дадите покоя! Мужчиной надо быть. Стыдно!

Беляев поднялся, хотел что-то сказать, но не смог и тяжело рухнул на место, Буйкис подвел его к нарам и уложил.

– Бедняга, – сказал он. – Ему совсем плохо. Не понимает, что говорит.

– Не понимает? – нахмурил брови Джавадов. – Очень хорошо все понимает!

– Вы несправедливы, сержант... Разве он виноват?.. А вам, мой друг, советую крепко держать себя в руках. Сейчас, милый мой друг, такое время...

Буйкис не договорил, махнул рукой и пошел укладываться. За ним двинулся Кент.

Прошло полчаса. Все спали, и только Джавадов сидел у стола, подперев руками голову. Пономаренко открыл глаза. Ему было лучше, и Джавадов просиял. Но вот он нахмурился и, оглядев лежащих на нарах товарищей, тревожно сказал:

– Расклеиваться стал народ... Я сам сейчас с Беляевым ругался. Товарищ капитан, нас, коммунистов, трое. Может быть, поговорим немного, а?

– Поговорим, – кивнул Пономаренко. – Я и сам об этом думал. – Он встал и прошел к столу. Джавадов разбудил Островерхого.

На нарах тяжело завозился Кент, простонал Беляев. Пономаренко оглядел их, вздохнул.

– Думаю, – сказал он, – что наша главная задача – это сохранить людей.

Джавадов и Островерхий кивнули.

– Значит, – продолжал Пономаренко, – будем беречь их, сколько хватит сил... Приноси-ка воду, Остап Афанасьевич.

Островерхий направился к нарам и вернулся, бережно неся консервную банку. На дне ее плескалась вода.

– У тебя была вода? – прошептал Джавадов, заглянув в банку.

– Была... Четвертый день берегу.

Прошел к нарам и Пономаренко. Он вытащил откуда-то стеклянную банку, в которой на четверть было воды. Слив в нее порцию Островерхого, капитан прикинул: воды набралось около стакана.

– Будем считать, – сказал пилот, – что это наши взносы в пользу слабых.

Джавадов стоял, стиснув перед грудью кулаки. О, он бы дорого дал, чтобы иметь возможность слить в банку и свой пай! Но, увы, воды у Джавадова не было! Вдруг сержант посветлел, метнулся в угол подвала и молча положил на стол кусочек черствого хлеба.

Капитан Пономаренко понял состояние товарища. Он придвинул хлеб к банке.

– Будем считать, – сказал пилот, – что это наши взносы в пользу слабых. Разбуди народ, старшина, и раздай каждому поровну. – Пономаренко поднял палец: – Учтите, мы уже получили свою долю!

За всем этим уже несколько минут с напряженным вниманием наблюдал проснувшийся капитан Кент. При последних словах советского летчика он соскочил с нар.

– Пусть меня повесят, если я выпью хоть каплю!.. Вы... вы не знаете, какие вы люди!

Островерхий двинулся с банкой к американцу.

– Нет! – воскликнул Кент. – Тысячу раз нет!

10

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Пономаренко, Джавадов и Островерхий настаивали, а Кент не менее решительно отказывался от воды. Проснулись Буйкис с Беляевым.

И в этот момент в дверь постучали.

Все повскакали с мест. Вновь раздался стук.

– Хелло! – прокричал кто-то. – Есть ли здесь живые?

– Наши! – воскликнул Кент. – Это американцы!

Он заколотил в дверь руками.

– Ломайте ее, ребята, ломайте дверь! Здесь свои!

Раздался скрежет взламываемого замка. Дверь распахнулась. В подвал вошли два капрала. В течение нескольких минут в подвале творилось нечто невообразимое. Все кричали, перебивая друг друга и толкаясь, трясли руки американцам, смеялись и плакали. Джавадов выбежал из подвала.

– Кто вы такие? – спросил один из прибывших, молодой парень с военной медалью.

– Русские, друг, – ответил Островерхий.

Капрал расплылся в улыбке. Беляев, Буйкис, Кент тормозили солдат, расспрашивая о положении на фронтах. Капрал сообщил о капитуляции Германии.

– Повтори! – потребовал Кент.

– Русские взяли Берлин. Мы подперли с запада и соединились на Эльбе. Крышка захлопнулась. Конец войне!

Пономаренко закрыл глаза и присел на табурет.

Вбежал Джавадов с ведром воды. Кент зачерпнул кружку и поднес ее к губам капитана Пономаренко. Тот мгновенно осушил ее. Затем выпил еще и еще. С наименьшей жадностью утоляли жажду и другие обитатели карцера. Ведро быстро опустело. Островерхий вновь наполнил его.

– Кажется, мы пришли вовремя, – шепнул капрал товарищу.

– Здорово же досталось вам, – сказал солдат. – Но теперь все будет в порядке.

– Как у нас в Штатах, старина? – спросил Кент.

Капрал резко обернулся.

– Кто вы такой?

– Пилот с бомбардировщика. Как там Америка?

– О, – военный поднял палец, – сейчас за океаном бум, какого не знала история! Все сошли с ума. Янки решили помочь Европе... Самое время ехать к себе, в Алабаму. Вместе поедem, парень!

– Идет!

– Подойдите ко мне, – попросил Пономаренко. – И дайте вашу руку.

– Стоит ли?... Ваши сделали во сто раз больше!

– Верно, – воскликнул Кент, – во сто тысяч раз больше! Как, кстати, вас зовут?

– Хорпер... Стенли Хорпер, сэр...

– Так вот, Хорпер, мы голодны дьявольски!

Капрал смутился. В его машине – ничего съестного. Они наткнулись на этот лагерь случайно. Быть может, русские потерпят до утра? Утром им привезут все.

Джавадов заявил, что лично он, став свободным, может терпеть. Но пусть капрал не забудет полоскания. Тут сержант выразительно щелкнул себя по горлу.

Хорпер ухмыльнулся и кивнул.

Буйкис попросил американца рассказать, как часто здесь ходят поезда и когда он, Буйкис, сможет вернуться на родину. Хорпер ответил, что поезда пока не ходят, но завтра приедут

представители командования и все уладят. Несомненно, они будут отправлены домой немедленно.

Беляев попросил бумагу и карандаш, набросал на листке несколько слов и размашисто подписался. Он сказал, чтобы эту записку передали врачу. Если врач не сможет приехать, то пусть пришлет лекарства: здесь есть больные.

– Будет сделано, – сказал Хорпер. – Ведь вы тоже врач, сэр?

– Да, – задумчиво сказал Беляев, – кажется, я снова стану врачом...

Капрал постоял с минуту, переглянулся с товарищем и заявил, что должен ехать. Уже смеркается, а предстоит немалый путь. Быть может, американский пилот поедет с ними?

– Нет, – сказал Кент, – мы уедем отсюда вместе.

Хорпер объяснил, что охотно взял бы всех, но машина не вместит столько народа. Кент рассказал капралу о подвиге своих товарищей. Хорпер подошел к Пономаренко.

– Мы в долгу перед вами, сэр. Как, впрочем, все американцы в долгу перед русскими. И я еще хочу сказать...

– Говорите, – кивнул Кент, – говорите и не жалейте слов. Их у вас все равно не хватит, чтобы как следует отблагодарить этих людей.

– Да, мы в долгу. Но мы отдадим этот долг!

Пономаренко улыбнулся и сказал:

– Лично у меня правило: никогда не делать долгов. Верьте, это самое лучшее. Тогда не надо и расплачиваться.

– Браво, капитан, – воскликнул Кент. – Хорошо сказано.

Спутник капрала рассматривал могилу Мельникова.

– Что это такое? – спросил он.

Кент объяснил. Американцы обнажили головы и постояли в глубокой задумчивости.

11

На рассвете Джавадов вышел из подвала. Было тихо. Едва тянул ветерок. Болото еще только просыпалось. Над ним клубились испарения. Вдали сонно кричала птица...

Сержант спустился к протекавшему неподалеку ручью, разделся и кинулся в воду. Он долго купался, по-мальчишески колотя по воде руками, подымая тучи брызг, фыркая и отдуваясь.

Бодрый и раскрасневшийся, вернулся он в карцер. Пономаренко сидел на нарах, обхватив руками колени. Он хорошо провел ночь и чувствовал себя значительно бодрее.

Лагерники вставали, потягиваясь и шурясь от яркого света, проникавшего через распахнутую дверь. Все были оживлены, в отличном настроении, смеялись и шутили.

– Чудесное утро! – воскликнул Буйкис, выглянув за дверь.

– Еще бы, – заметил Беляев. – Это первое утро свободы!

Профессор согласно кивнул.

– Вперед, товарищи, – сказал он, – идемте пить волшебный эликсир здоровья – воздух весеннего утра!

Буйкис и Кент вышли. Пономаренко сделал попытку последовать за ними, но, морщась от боли, опустился на табурет. Джавадов подошел к капитану, секунду помедлил, а потом решился и поднял его на руки. Капитан Пономаренко пытался сопротивляться, но кавказец только смеялся и прибавлял шаг. Скоро они догнали остальных.

В подвале остались только Беляев и Островерхий, поднявшиеся позже других. Они оделись и тоже направлялись к двери.

В это время подъехал виллис. Из него вышли капрал Хорпер, два солдата с пакетами еды и обершарфюрер СС – тот, которого недавно допрашивал Гаррис.

– Доброе утро, – несколько смущенно сказал капрал. – Вот привезли вам еду, лекарства и остальное... А где другие?

– Ушли прогуляться, – сказал Беляев.

Наступила пауза. Хорпер стоял, теребя в руках пилотку. Ему было явно не по себе.

– Что-нибудь случилось? – тревожно спросил врач.

– Нет, ничего, – пробормотал капрал. Потом он решился и ткнул пальцем в сторону немца: – Это ваш новый комендант.

– Что? – не понял Беляев.

– Я не виноват, – глухо проговорил капрал, глядя себе под ноги. – Это приказ...

– Ладно, – развязно сказал комендант, – давайте знакомиться. Я – Макс Штиммель. Сколько человек в этом лагере?

Беляев вздрогнул.

– Вы что же – немец? – спросил он.

– Я сотрудник американской военной комендатуры. Сообщите фамилии заключенных.

Врач кинулся вперед и вцепился в грудь Штиммеля. Солдаты с трудом оттащили его. Старшина Островерхий стоял, вобрав голову в плечи и стиснув кулаки.

Хорпер что-то сказал солдатам и, не поднимая головы, торопливо отошел. Он вскочил в машину и рывком сдернул ее с места. Капрал мчался, пригнувшись к рулю. Навстречу ему бежали возвращавшиеся с прогулки люди. Но капрал, казалось, не видел их. Виллис вылетел на шоссе и скрылся за поворотом.

Пономаренко, Джавадов, Буйкис и Кент в недоумении глядели ему вслед. Потом они торопливо вбежали в подвал.

– Что здесь случилось? – спросил Буйкис.

Кент развел руками.

– Капрал мчался как одержимый. Он видел нас, но не остановился.

– Знакомьтесь, – сказал Беляев. – Наше новое начальство.

– Не понимаю...

Беляев горько усмехнулся.

– В чем дело, приятель? – обратился к одному из солдат Кент.

Солдат, плечистый парень лет двадцати пяти, жевавший резинку, выплюнул ее и равнодушно сказал:

– Нас прислали с этим человеком. Приказано охранять лагерь перемещенных лиц. И он назначен старшим.

– Перемещенные лица? – переспросил Пономаренко.

– Погодите, – сказал Кент, потирая лоб. – Я что-то плохо соображаю... Кого же они собираются держать в этом лагере?

– Да нас же, черт возьми! – крикнул Беляев. – Нас! Теперь мы – какие-то перемещенные лица...

Кент расхохотался.

– Вы и я – капитан американской армии?

– Ну, капитана, быть может, и выпустят, а вот нас, советских граждан... И комендантом поставили немца!

Беляев налитыми кровью глазами посмотрел на Штиммеля и двинулся вперед. С другой стороны к коменданту подбирался Джавадов.

– Назад, – сказал широкоплечий солдат. – Мы будем защищать этого человека.

Беляев остановился, а Джавадов не обращал внимания на угрожающе выставленные карабины...

– Отставить, сержант, – сказал Пономаренко. Он обернулся к солдатам и спросил: – Кто же прислал вас?

– Генерал Гаррис.

– Гаррис?! – Кент рванулся вперед.

Послышался шум автомобиля.

– Смирно! – скомандовал Штиммель.

В подвал вошел генерал Джордж Гаррис. Шагнув через порог и разглядев лица людей, он остановился, ошеломленный.

– Вы? – наконец, выговорил он. – Это вы?!

Солдаты и Штиммель с удивлением видели, как генерала окружили истощенные, одетые в лохмотья люди, а он улыбался им, дружески хлопал по плечу.

Джавадов поймал на себе взгляд генерала, вытянулся.

– Здравия желаю, товарищ... господин генерал! – по-военному отпартовал он.

Гаррис взял его за плечи и тепло улыбнулся.

– Вы хотели сказать «товарищ»? Правильно, парень! Это то самое слово. Ведь мы боевые друзья!

Джавадов широко улыбнулся. Говорить в эту минуту он не мог.

Особенно долго тряс Гаррис руку капитана Пономаренко.

Когда все немного успокоились, генерал сел и вытащил трубку. Набив ее, он сказал:

– Нет, все это просто непостижимо. Это сон какой-то! А вы, Кент, – герой! Да, да, я утверждаю это! И вы, русские, на примере капитана Кента можете видеть, на что способен любой американец, когда дело идет к тому, чтобы помочь товарищам.

– Оставьте это, сэр, – умоляюще проговорил Кент.

– Нет, я горжусь вами, мальчик, и не устану говорить это! И я возношу сейчас самые горячие молитвы providению. То божья воля, что все вы живы. А ведь кое-кто пытался похоронить вас. Но я в таких случаях всегда говорил: эти люди не могут пропасть!

Кент думал о Патти. Что с ней? Жива ли она?.. Наконец он не выдержал.

– Один вопрос, генерал... Наши общие знакомые... М-м... Ну, одним словом...

Гаррис хитро ухмыльнулся.

– Можете не продолжать, Кент. Она со мной, и она ждет вас, или я ничего не смыслю в подобных делах!

Кент шумно вздохнул. Пономаренко украдкой пожал ему руку.

– А теперь, Кент, – сказал Гаррис, усаживаясь поудобней, – выкладывайте все по порядку. Я страшно люблю рассказы о героях.

– Пусть говорит капитан Пономаренко, сэр...

– Ладно, – кивнул генерал, – давайте, капитан.

Тем временем Беляев приоткрыл привезенные Хорпером свертки. Там была еда, сигареты, бутылка с яркой этикеткой.

– Простите, генерал, – сказал врач, – не позавтракаете ли вы с нами?

Гаррис покачал головой.

– У меня нет аппетита. И потом здесь м-м... не очень приятно завтракать.

– Как хотите, – пожал плечами Беляев. – А у нас есть аппетит, и отличный. К столу, ребята!

Все набросились на завтрак. Гаррис удивленно наблюдал, с какой быстротой исчезают припасы.

– Здорово же вы работаете челюстями, – пошутил он. – Можно подумать, что вы не ели три дня!

Беляев поперхнулся и больше не прикасался ни к чему. Перестали есть и другие. Гаррис понял, что совершил нетактичность. Решив загладить ее, он обернулся к Штиммелю.

– Правый борт моей машины. Пара бутылок коньяку – живо!

Немец щелкнул каблуками и кинулся исполнять требуемое. Когда коньяк был принесен, Гаррис поставил его на стол.

– Это вам от меня, – провозгласил он. – Куда ни шло, и я выпью с вами.

Штиммель откупорил коньяк и наполнил кружки. Гаррис поднял жестяную кружку и сказал:

– За американскую и русскую армии!

– За русскую и американскую армии, – сказал Пономаренко.

– Он прав, сэр, – подхватил Кент. – Именно за русскую и американскую армии.

– Ладно, – кивнул Гаррис, – я принимаю этот тост.

– Господин генерал, – проговорил Пономаренко, – мне надо задать вам несколько вопросов. Немца с солдатами прислали сюда вы?

– Гм, – нахмурился Гаррис, – сказать по чести, я думал, что здесь обыкновенные пленные.

– Какая разница? Вы же знали, что здесь русские!

– Все это так, но... В общем в отношении вас и членов вашего экипажа вопрос ясен. Вы вернетесь на родину немедленно. Но что касается других, то здесь надо еще разобраться.

– Разобраться в чем, генерал?

Гаррис снисходительно улыбнулся.

– О, во многом, мой друг: национальность, подданство и всякие такие штуки.

– Никаких штук, – отчеканил Беляев. – Все мы граждане СССР и требуем, чтобы нас немедленно передали в руки советских властей.

Гаррис с сожалением посмотрел на него.

– Самое скверное – торопиться в таких делах или говорить за других. Мы враги насилия над личностью. И у нас есть приказ: кто не хочет возвращаться к себе, волен выбирать любую другую страну. Некоторые могут даже удостоиться чести ехать в Соединенные Штаты Америки! – Гаррис поднял палец. – Но – только некоторые, не все!

Пономаренко насмешливо заметил:

– Видимо, часовые здесь для того, чтобы мы, не дай бог, не удрали в... Америку!

– Простите, сэр, – вмешался Кент, – значит, если я правильно понял вас, мне будет разрешено не возвращаться домой, а ехать в Россию, если я выражу такое желание?

– Черт знает, что вы говорите, Кент! Это не может касаться американцев.

– Вот те на! – удивился Беляев. – Американские законы и вдруг не касаются американцев!

– Я еще не кончил, – продолжал Пономаренко. – Другой вопрос. Нам в начальники дали немца, который, быть может, еще неделю назад стрелял в американцев или русских... Что это, результат ошибки, спешки?..

– Или не ошибка, не спешка? – вставил Джавадов.

– Как много вы уделяете внимания пустякам, – примирительно сказал Гаррис. – Война окончена, надо жить, а вас занимают пустяки.

– Пустяк? – Джавадов гневно стиснул челюсти. – За такой «пустяк» можно убить!

Гаррис не выдержал и, наконец, сбросил маску. Он встал и стукнул по столу кулаком.

– Хватит!

Поднялся и Пономаренко.

– То есть как, простите, хватит?

– Хватит! – заорал Гаррис. – Этот немец на американской службе. Зарубите это себе на носу. Он будет действовать от моего имени.

– Вот теперь понятно, – тихо проговорил Джавадов. – Люблю мужской разговор. И как мужчина мужчине скажу вам, господин генерал: подлец вы!

Гаррис шагнул вперед и рванул из кобуры пистолет.

– Вот-вот, – улыбнулся Пономаренко, закладывая за спину руки, – примерно так с нами разговаривали фашисты. Правда, они не ограничивались одними разговорами. Но ведь и вы не собираетесь кончить на этом?

Генерал оставил пистолет и с ненавистью оглядел лагерников.

– Вы все дурно воспитаны. И если бы я знал...

– То что, генерал?..

– Я бы не приехал сюда!

– Логично. Война окончена. Вам не угрожает теперь перспектива встречи с вооруженными фашистами. Больше того, теперь, видимо, они ваши друзья. Самое время поговорить о воспитанности советских людей! Кстати, беседу на эту волнующую тему вы уже начинали однажды...

– Вы злоупотребляете моим терпением. Когда-то оказали мне помощь...

– Жалею...

– Что-о?

– Жалею, что оказал вам помощь!

– И я жалею, – сказал Джавадов. – Тогда слепой был. Сейчас глаза открыты: фашиста видят!

– Молчать! – Гаррис оглянулся. Солдаты придвинулись к нему. – Я ухожу. Собирайтесь, Кент. Вам нечего делать в этой компании. Здесь слишком пахнет красными.

Кент пожал плечами и не тронулся с места.

– Жаль, но мы решили выбираться отсюда вместе. Мы так свыклись друг с другом. И потом, это не такой уж плохой запах, сэр!

Гаррис в бешенстве зашагал по подвалу. Он оказался у могилы и поставил на нее ногу.

– Тогда, – сказал генерал, – пеняйте на себя, Кент. Боюсь, что вы плохо кончите. И вы все берегитесь. Мы не прощаем подобных вещей.

Пономаренко подошел к Гаррису.

– Уберите ногу, генерал, – с угрозой сказал он. – Здесь похоронен сержант Советской Армии. Он спас вам жизнь!

12

Стэнхоп, стоя за спиной сидевшего в кресле Гарриса, хохотал, держась за бока, и голос его проникал далеко за пределы кабинета военного коменданта.

– Как, – восклицал он, – как вы сказали? Повторите!.. Нет, это было здорово! Держу пари, что вы выглядели там не менее глупо, чем сейчас здесь!

– Почему вам так весело? – проговорил Гаррис. – Лично я не вижу в этом ничего смешного.

Комендант был мрачен и сидел насупившись, не поднимая головы.

– Почему мне весело? – переспросил Стэнхоп. Он оборвал смех, обошел столик и уселся против генерала. – Вы хотите это знать, да? Что ж, извольте! Мне смешно, что наш доверенный и уважаемый человек оказался в положении щенка, которого больно отстегали и пинком вышвырнули за порог. Поджав хвост, щенок убрался восвояси, а теперь, повизгивая от обиды и боли, рассказывает, как дурно с ним обошлись!.. Разве это не смешно, Гаррис? Видимо, вы забыли, кого представляете. Забыли о великой стране, призванной диктовать свою волю всему живому на земле.

– Я до последнего волоса предан своей стране!

– Э, мы плюем на слова и требуем дел. А вы, вместо того чтобы действовать, и действовать решительно, трусили и позволили красным в том лагере орать о своих взглядах. Ох, любопытно будет взглянуть на этот район, если военный комендант Гаррис разведет в нем такие же порядки. Или вы думаете, что мы пришли сюда для того, чтобы помогать немецким коммунистам и Советам?.. Поймите же, Гаррис, я разглагольствую обо всем этом так горячо не из-за полдюжины каких-то каторжников. Дело вовсе не в них.

– В чем же оно? – спросил Гаррис.

– Я не теряю надежды вдолбить в голову военного коменданта, что он действовал как идиот. Дело в вас, Гаррис!

Комендант испуганно посмотрел на собеседника.

– Во мне?..

– Именно. Вы начинаете походить на тех простаков, которые хотят побороть коммунизм при помощи деклараций и речей, тогда как для этого есть только одно средство – сила!.. А вы вступили зачем-то в нелепую дискуссию с русскими. И они переиграли вас... Что касается этого Кента...

– Он-то и заварил всю кашу. Он и тот русский – Пономаренко.

– Что касается Кента, то о нем мы решим ночью.

– Но что делать с другими?

– Наградить за спасение американского полковника!.. Впрочем, не время шутить. Позаботьтесь о них, ведь вы не давали еще информации об этом лагере?

– Нет, он обнаружен только недавно.

– И отлично. Моя мысль вам ясна?

– Да...

На столе коротко звякнул междугородний телефон. Из штаба командующего сообщили, что высылают нарочного с пакетом особой важности. Говоривший хотел передать еще что-то, но в трубке щелкнуло и все смолкло. Гаррис с досадой швырнул ее на рычаг. Сегодня связь со штабом прерывалась уже третий раз.

– Я должен покинуть вас на некоторое время, – сказал генерал вставая.

– Отправляйтесь. Я бы все равно попросил вас оставить меня одного. На час мне нужен этот кабинет. Идите и пришлите мне капрала.

Вошедшему Динкеру Стэнхоп сказал:

– Скоро сюда придет мистер Кей и еще один человек. Вы знаете его – это майор Хилд из ОСС. Они будут сопровождать людей в штатском. Больше сюда никого не впускать.

Динкер ушел. А через полчаса дверь отворилась, и Кей ввел в кабинет четырех немцев. Пятый человек – майор Хилд – остался у дверей.

Немцы поклонились. Майор козырнул. Кей откашлялся и заговорил. Голос его звучал робко, почтительно. Можно было подумать, что перед Кеем не партнер по бизнесу Стэнхоп, а какое-то очень высокое начальство.

– Сэр, – сказал Кей, – это те люди, о которых я позволил себе просить вас. Отличные люди, сэр...

– Пусть они сядут, – сказал Стэнхоп, нисколько не удивляясь странному поведению Кея. Немцы сели, но тотчас же поднялись, ибо Кей, наморщив лоб, провозгласил:

– Это, мистер Стэнхоп, джентльмены!

Не глядя на немцев, Стэнхоп несколько раз прошелся по кабинету. Остановившись перед Кеем, он спросил:

– Как имена этих людей?

– Адольф Шраде – горючее для реактивных двигателей, – доложил Кей, – Фриц Никер-брунер – искусственный каучук и волокно, Гуго Бот и Эбергардт Шлихтинг – ядерная физика. Стэнхоп выслушал это с непроницаемым видом.

– Знают ли эти люди, что как военные преступники – а именно такими являются ведущие инженеры нацистской индустрии – они подлежат суду военного трибунала?

– Нет, сэр, я не говорил им еще об этом.

– Напрасно, – строго сказал Стэнхоп. – Впрочем, я не могу особенно винить вас, Кей. До последней минуты мы надеялись...

Он не договорил и сокрушенно развел руками. Наступила пауза. Немцы, вытянув шеи, следили за американцем. Но тот словно не замечал их.

От имени инженеров заговорил Гуго Бот – мужчина лет шестидесяти, тучный, по-видимому, астматик.

– Герр Стэнхоп, – начал он, делая неожиданные остановки между словами, – спасаясь от армий русских, мы проделали путь, преисполненный горести и печали. Теперь все позади. Мы надеялись... и после этого – суд, военные преступники!.. Вы шутили, конечно. Письма, которые мы получали от наших американских друзей...

– Суд – не инициатива американцев, – сухо сказал Стэнхоп. – Его потребовали русские. И мы тут бессильны. Вот почему я ничем не могу порадовать вас. Боюсь, что вам предстоит обратный путь – на восток.

– Боже мой! – воскликнул Кей. – Но ведь там тюрьма, Сибирь!

– Нет, нет, только не это! – простонал Бот. – О, будь проклят этот обманщик Гитлер!

На лице Кея было написано огорчение и глубокое сострадание.

– Сэр, – робко сказал он, – неужели нет никакой возможности спасти этих людей?

Стэнхоп пожал плечами.

– Вы же знаете, Кей: союзнический долг перед русскими...

Встал Шлихтинг – молодой худощавый человек с гладко обритым черепом.

– Хорошо, – резко проговорил он, – я еду на восток, к русским. Но не с пустыми руками, а со своими записями, которые кое-что значат для тех, кто интересуется физикой атома!

– Вы не сделаете этого, Эбергардт! – воскликнул Гуго Бот.

– Сделаю! И они, уверяю вас, не станут резать курицу с золотыми яйцами.

– Сэр, – тихо сказал Кей, – а что, если они исчезнут?

Стэнхоп изобразил на своем лице удивление.

– Исчезнут, – повторил Кей. – На время этих людей в Германии не окажется. Ведь могут же они несколько лет прожить и работать в другой стране!

Наступила пауза. Казалось, Стэнхоп обдумывал предложение. Немцы, не отрываясь, глядели в его лицо.

– Исчезнут, исчезнут... – Стэнхоп оживился. – А ведь это идея, Кей!.. Впрочем, нет. Нет такой страны, куда за ними не дотянулась бы рука Москвы!

– Есть такая страна, – воскликнул Кей.

– Чепуха.

– Это Америка, сэр!

Шлихтинг заявил, что не сделает и шага за пределы Германии. Никто не обратил внимания на его слова. Все наблюдали за Стэнхопом, а он медлил с ответом.

– Нет, – наконец сказал Стэнхоп. – Официальным путем это невозможно.

– То, что невозможно для других, не всегда препятствие для вас, сэр, – льстиво проговорил Кей.

Стэнхоп покачал головой. Завтра или послезавтра передача военных преступников русским военным властям должна состояться. И единственно, что еще можно сделать для этих джентльменов, это позаботиться об их семьях. Он всегда ценил деловые связи с германскими коммерсантами и учеными...

Стэнхоп встал, давая понять, что беседа окончена.

Гуго Бот вскочил на ноги.

– И это все?! – воскликнул он. – Нет, я согласен! Я поеду куда угодно, но только не на восток!

– Я тоже, – медленно проговорил Шраде. – Мне не из чего выбирать.

– Вы, Никербрунер? – спросил Бот.

– А семья?.. Впрочем, сделанного не зачеркнешь. А сделано слишком много... Еду.

Шлихтингом овладела паника. Он метался от одного немца к другому, упрашивая, уговаривая, требуя не ехать. Конец этой сцене положил Бот. Он силой усадил Шлихтинга в кресло и злобно сказал:

– Попробуйте остаться, и я сам напишу русским, какой вы святоша!.. А мы, – он яростно сжал кулаки, – мы еще вернемся сюда! Они вспомнят еще Гуго Бота!

Шлихтинг затих. Все обернулись к Стэнхопу.

– Мы готовы, – сказал Бот.

– Хорошо, – ответил Стэнхоп. – Но я рискую. На карту ставится все – мое доброе имя, репутация, мои деньги. И риск должен быть оплачен.

Он вынул перо и в течение минуты писал на листке бумаги.

– Два условия: вы подписываете вот это и улетаете немедленно. Самолет?

– Готов! – сказал майор у дверей.

Бот прочитал бумагу.

– Пять лет? – испуганно спросил он.

– Да, пять лет хорошей работы на меня.

Махнув рукой, Бот подписал. За ним поставили свои подписи остальные немцы. Стэнхоп бережно сложил и спрятал бумагу, потом обернулся к Хилду.

– Прямо на аэродром, Хилд! Вы летите с этими людьми и сдаете их... вы знаете кому.

13

Когда за немцами закрылась дверь, Кей бросился в кресло и залпом выпил стакан воды.

– Уф, – простонал он, – это было чертовски тяжело!

Американцы встретились взглядами и расхохотались. Они долго смеялись, вытирая слезы, кашляя и сморкаясь. Стэнхопу стало жарко. Он снял пиджак и повесил его, расстегнул манжеты сорочки, завернул рукава.

– За эти полчаса они выжали меня, как лимон. Но мы добились своего: эти люди едут в Штаты добровольно. А они здорово нужны там. Хозяин может быть доволен.

Капрал Динкер доложил, что пришел Векслер. Стэнхоп схватился за голову.

– Я и забыл о нем! У вас все готово, Кей? Тот кивнул, и капрал ввел гостя.

Векслер выглядел усталым, расстроенным. Он молча снял пыльник и шляпу, также молча опустился в кресло.

– Срок истек, – сказал Стэнхоп после продолжительного молчания.

– И второго срока не будет, – добавил Кей.

Векслер решительно заявил:

– Ваше предложение принять невозможно. Фирма не может согласиться продать свои заводы.

– Тогда я не завидую ни вам, ни фирме, – пожал плечами Стэнхоп. – Вы проиграете.

– Но ведь мы предложили вам то, что никогда ни одна фирма не предлагала другой. Эти условия...

– Мы не фирма, – прервал его Стэнхоп, – мы – победители!

Векслер был в смятении. Он предложил американцам такие условия, что, приняв их, они становились такими же владельцами заводов, как и немцы. Стэнхоп и Кей говорили о дружбе, взаимопонимании, сотрудничестве. Неужели это пустые слова? И потом ведь Стэнхоп и Кей не вложили в дело ни копейки! В конце концов их предложение идет вразрез с понятиями о чести!..

Американцы сидели молча, лишь время от времени иронически поглядывая на собеседника. И Векслер испробовал последнюю возможность достичь компромисса. Он предложил оплатить намечаемую долю Стэнхопа и Кея золотом! Но Стэнхоп был равнодушен. Очевидно, Векслер плохо понял его. Речь идет не о каких-либо компромиссах. Им нужны заводы. Они должны владеть ими целиком и безраздельно.

Векслер встал. На лице его было написано негодование. В течение этой недели Стэнхоп и Кей непрерывно увеличивали свой нажим на него. Он был великодушен, отступал шаг за шагом, соглашаясь на все более выгодные для них условия. Но есть предел всему! Ведь поступив по совету американцев, хозяева заводов останутся на улице. Они станут нищими!

Стэнхоп был невозмутим. Он вынул бумагу, разгладил ее, пристукнул по ней ладонью.

– Подписывайте и получайте свои десять миллионов. Верьте, и это слишком высокая цена за заводы, которые должны по репарациям отойти к русским.

– Мои заводы? – вскочил взволнованный Векслер.

Кей усмехнулся и вытащил из портфеля толстую папку. Он раскрыл ее и передал немцу. Тот прочитал и выпустил документ из рук. Папка заключала перечень предприятий, подлежащих репарациям, и среди них значились предприятия фирмы «Хофт унд Векслер, химические заводы».

– Ну, – сказал Стэнхоп, – вы убедились теперь, что дело достаточно серьезно? Ваше положение я бы назвал катастрофическим. И мы, как вы видите, действуем в ваших же интересах.

Кей вздохнул и высказал предположение, что, быть может, второй вариант – передача заводов Советам – больше устраивает господина Векслера.

– Но ведь все равно уже поздно, – пробормотал немец. – Заводы в репарационных списках.

– Это не ваша печаль, – усмехнулся Стэнхоп. – Ваше дело подписать бумагу и получить свои деньги. Об остальном будем беспокоиться мы. Это влетит нам в кругленькую сумму, но что делать?..

Немец все еще колебался. Тогда Кей нажал на спрятанную под столом кнопку звонка. В ответ на это на столе зазвонил телефон. Стэнхоп протянул к нему руку, но Кей сделал ему предостерегающий знак. Аппарат прозвенел снова. Он стоял возле Векслера, и тот машинально снял трубку. Спрашивали военного коменданта. Векслер ответил, что генерала Гарриса нет. В трубку продолжали говорить. Немец слушал с каждой секундой все более взволнованно, потом медленно положил трубку на рычаг.

– Звонили из штаба командующего, – пробормотал он. – Просят немедленно вернуть документ по репарациям для передачи его советскому военному командованию.

Наступила пауза. Молчание, длившееся несколько минут, прервал Стэнхоп.

– Надо решать, – мягко сказал он. – Ладно, Векслер, одиннадцать миллионов марок. И пятьсот тысяч – лично вам!

Кей сделал протестующее движение, но Стэнхоп остановил его.

– Слово есть слово. Что сказано, то сказано.

Векслер глубоко вздохнул, схватил перо и подписал документ. Потом он встал, взял шляпу и плащ и, волоча его по полу, ушел.

Никто не посмотрел ему вслед. Кей сделал движение – взять бумагу. Однако Стэнхоп с живостью, которую трудно было бы предположить в нем, выхватил документ из-под руки партнера и спрятал во внутренний карман пиджака, который тотчас же и надел.

– Эту бумажку лучше всего хранить у сердца, – усмехнулся он.

– Быть может, мы спрячем ее в мой портфель? – предложил Кей, льстиво заглядывая в глаза собеседника.

– Только у сердца, – возразил Стэнхоп. Он ласково погладил грудь пиджака. – Черт, здесь как будто даже стало теплее!

Довольный своей шуткой, он захохотал. Американцы наполнили стаканчики и выпили.

– Но... честно, Вильям! – сказал Кей.

– Вы имеете дело со мной!

– Это-то меня и тревожит.

– Честно, Кей, только честно, – успокоил партнера Стэнхоп. – Можете спать спокойно. Здесь хватит на двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.